

ЛИЗА КЛЕЙПАС

Замужем
с утра

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Лиза Клейпас
Замужем с утра

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Клейпас Л.

Замужем с утра / Л. Клейпас — «Издательство АСТ»,
2010 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-134340-8

Лео, лорд Рамзи, должен жениться и произвести на свет наследника в течение года, а иначе – прощай фамильное имение. В такой ситуации у главы семьи Хатауэй нет особого выбора. Проблема в том, что у него нет и кандидаток, способных согласиться на столь скорый брак. Остается одно: немедленно обвенчаться с компаньонкой своих младших сестер, мисс Кэтрин Маркс. С одной стороны, для Кэтрин этот брак может стать отличной партией: она бедна как церковная мышь, зато умна и красива. Но с другой... есть одна маленькая сложность: они с Лео ненавидят друг друга лютой ненавистью и только и делают, что обмениваются колкостями. Что может выйти из столь странного брака? Первый же поцелуй заставляет Лео внезапно поверить: много хорошего. Конечно, если приложить достаточно усилий для покорения собственной законной жены...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-134340-8

© Клейпас Л., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лиза Клейпас

Замужем с утра

*Моей дорогой утонченной, мудрой Конни, поскольку хорошая подруга обходится дешевле мозгоправов.
С любовью, Л. К.*

Lisa Kleypas

MARRIED BY MORNING

© Lisa Kleypas, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

*Гэмпшир, Англия
Август 1852 года*

Всякий, кто прочитал хотя бы один роман, знает, что гувернантки – кроткие, забытые создания. Они тихи, покорны и рабски угодливы. Само собой, хозяин дома вправе ожидать от них почтительности. Лео, лорд Рамзи, никак не мог взять в толк, почему судьба послала ему вовсе не такую гувернантку. Семейство Хатауэев наняло Кэтрин Маркс, которая, по мнению Лео, только позорила свое ремесло.

Не то чтобы Лео придирался к мисс Маркс или сомневался в ее способностях. Она отлично обучила двух его младших сестер, Поппи и Беатрикс, всем тонкостям светского этикета. А девушки нуждались в наставнице, ведь Хатауэи не подозревали, что им придется вращаться в высших кругах британского общества. Дети воспитывались в строгих традициях среднего класса в деревне к западу от Лондона. Их отец, Эдвард Хатауэй, ученый-историк, специалист по Средневековью, считался человеком благородного происхождения, но отнюдь не аристократом.

Однако после целой череды самых невероятных событий Лео унаследовал титул лорда Рамзи. Он готовился стать архитектором, а превратился в виконта с землями и арендаторами. Хатауэи переехали в поместье Рамзи в Гэмпшире, где им пришлось изрядно потрудиться, чтобы соответствовать требованиям новой жизни.

Самое ужасное, что выпало на долю сестер Хатауэй, – изучение бесчисленных нелепых правил и предписаний, которыми должны руководствоваться юные леди из высшего общества. Если бы не терпеливые наставления Кэтрин Маркс, сестрички метались бы по Лондону с грацией перепуганных насмерть слонов. Мисс Маркс совершила с девушками настоящее чудо, особенно с Беатрикс, самой большой чудачкой из всего в высшей степени странного семейства Хатауэев. Хотя Беатрикс обожала резвиться на лужайках и бродить по лесам, словно дикарка, мисс Маркс умудрилась убедить ее, что в бальных залах ведут себя иначе. Она даже сочинила для своих воспитанниц целый цикл стихотворений – свод правил этикета, в том числе и этот литературный шедевр:

Юным леди сдержанность пристала,
В беседах с незнакомцами – особо.
Флирт, ругань, жалобы и свары
Погубят репутацию в два счета.

Разумеется, Лео не раз язвительно прохаживался насчет поэтического дара мисс Маркс, но в душе признавал, что ее методы себя оправдывают. Поппи и Беатрикс успешно приняли участие в лондонском сезоне. Вдобавок Поппи недавно вышла замуж за respectable владельца отеля по имени Гарри Ратледж.

На попечении гувернантки осталась одна Беатрикс. Мисс Маркс охотно взяла на себя роль дуэньи и компаньонки энергичной девятнадцатилетней девушки. Теперь в семействе Хатауэев Кэтрин Маркс считалась едва ли не членом семьи. Что же до Лео, то он не выносил эту женщину. Она пространно излагала свое мнение по любому поводу и осмеливалась делать ему замечания. В тех редких случаях, когда Лео пытался держаться дружелюбно, мисс Маркс сердито огрызалась или с презрением отворачивалась. А стоило Лео высказать какое-нибудь здравое суждение, эта несносная особа тотчас перебивала его, принимаясь нудно перечислять, в чем он ошибается.

Постоянно сталкиваясь с враждебностью гувернантки, Лео невольно стал отвечать ей тем же. Весь минувший год он пытался убедить себя, что презрение Кэтрин Маркс ничего для него не значит. В Лондоне немало женщин куда более красивых, обворожительных и привлекательных.

Если бы только мисс Маркс не занимала все его мысли.

Возможно, виной тому были секреты, которые она так ревностно оберегала. Кэтрин никогда не рассказывала ни о своем детстве, ни о семье, как и о том, что заставило ее пойти в гувернантки. Какое-то время, весьма недолго, она преподавала в школе для девочек. Впрочем, мисс Маркс отказывалась обсуждать свою учительскую карьеру, как и причины, побудившие ее оставить пансион. Среди ее бывших учениц ходили слухи, что мисс Маркс – бедная родственница директрисы пансиона. Поговаривали также, что она падшая женщина, потерявшая положение в обществе и вынужденная пойти в услужение.

Глядя на эту независимую, упорную и настойчивую особу, легко было забыть, что она довольно молода, ей лишь немногим больше двадцати. Когда Лео впервые увидел Кэтрин, она походила на типичную засушенную старую деву: в очках, с угрюмо нахмуренными бровями и сурово сжатым ртом, с негнущейся спиной, прямой как кочерга, и гладко прилизанными волосами, тускло-коричневыми, словно крылья фруктовой мушки. Лео прозвал ее Смертью с косой, несмотря на бурные протесты семьи.

Но за минувший год в Кэтрин произошла поразительная перемена. Ее тощее как спичка тело заметно округлилось, сохранив изящество и стройность, а бледные щеки налились румянцем. Приехав в Лондон полторы недели назад, Лео с изумлением увидел мисс Маркс со светло-золотистыми локонами. Она не один год красила волосы, но после ошибки аптекаря была вынуждена отбросить притворство. И если темные пряди огрубляли ее лицо с тонкими чертами и белой кожей, придавая ему излишне суровый, строгий вид, природные белокурые кудри шли ей необычайно.

Лео пришлось смириться с неприятным фактом, что Кэтрин Маркс, его смертельный враг, – настоящая красавица. Но на самом деле вовсе не цвет волос так изменил ее облик... просто без привычных ухищрений мисс Маркс испытывала неловкость. Она чувствовала себя уязвимой, и это бросалось в глаза. Ничего удивительного, что в конечном счете Лео захотелось сорвать с нее покров таинственности. Он жаждал разгадать эту загадку.

Обдумывая возможные последствия своего открытия, Лео пытался держаться на безопасном расстоянии от Кэтрин. Его обескураживало отношение к мисс Маркс его семьи, дружно пожимавшей плечами всякий раз, когда речь заходила о странностях гувернантки. Почему он один сторал от любопытства, тогда как остальные проявляли полнейшее безразличие? Отчего мисс Маркс нарочно так долго притворялась дурнушкой? Что она скрывает, черт возьми? От кого прячется?

Однажды солнечным днем, убедившись, что остальные члены семьи заняты своими делами, Лео отправился на поиски мисс Маркс. Он рассудил, что, столкнувшись с ней лицом к лицу без посторонних глаз, сумеет получить ответы на кое-какие вопросы. Он нашел ее в обнесенном изгородью саду, полном цветов. Мисс Маркс устроилась на скамье возле посыпанной гравием дорожки. Она была не одна.

Остановившись в двадцати ярдах от скамьи, Лео спрятался в тени высокого тиса с густой листвой.

Кэтрин сидела рядом с Гарри Ратледжем, новоиспеченным мужем Поппи. Похоже, парочка вела доверительный разговор.

И хотя в их действиях не было ничего преступного, сцена выглядела совершенно неподобающе.

О чем, во имя всего святого, они могли беседовать? Наблюдая за парой из отдаленного укрытия, Лео убедился: мисс Маркс с Ратледжем обсуждали что-то важное. Темноволосая

голова Ратледжа покровительственно склонилась к белокурой головке Кэтрин. Словно эти двое были близкими друзьями.

Или любовниками.

У потрясенного Лео отвисла челюсть, когда Кэтрин потерла тонкими пальцами глаза под очками, словно смахивая слезы.

Мисс Маркс плакала на плече у Гарри Ратледжа!

А затем Ратледж поцеловал ее в лоб.

У Лео перехватило дыхание. Сохраняя неподвижность, он попробовал привести в порядок разбегающиеся мысли и укротить бушевавшую в нем бурю чувств... изумление, тревогу, подозрение, ярость.

Эти двое что-то скрывали. Они что-то замыслили.

Возможно, мисс Маркс была прежде любовницей Ратледжа? Может, он ее шантажирует? Или это она пытается вымогать у Гарри деньги? Нет... даже на расстоянии было заметно, что мисс Маркс с Ратледжем смотрят друг на друга с нежностью.

Лео растерянно потер подбородок, раздумывая, что делать. Одно он знал совершенно точно: важнее всего счастье Поппи. Прежде чем превратить мужа сестры в кровавое месиво, он должен выяснить, что происходит. А уж потом, если его подозрения подтвердятся, сделать из Ратледжа бифштекс.

Стараясь выровнять дыхание, Лео наблюдал за парочкой.

Ратледж поднялся и вернулся в дом, мисс Маркс осталась сидеть на скамье.

Поддавшись безотчетному порыву, Лео незаметно подкрался к ней. Он не успел обдумать, как вести себя и что говорить. Это зависело от того, какое чувство разыграет в нем, когда он достигнет свою жертву. Лео всецело положился на волю случая. Возможно, он вцепится мисс Маркс в горло и задушит. А может быть, повалит на согретую солнцем траву и силой овладеет ею. Незнакомое неприятное чувство клокотало в нем. Была ли то ревность? О господи, да. Он ревновал эту тощую сварливую мегеру, цеплявшуюся к нему при любой возможности и изводившую его бесконечными придирками.

Может, это какая-то новая форма извращения? С каких пор Лео стал любителем старых дев?

Должно быть, все дело в ее скрытности, в сдержанности, которую Лео находил весьма эротичной. Его всегда мучил вопрос: как разрушить броню, которой окружила себя эта надменная особа? Кэтрин Маркс, жестокая злодейка, его заклятый враг... обнаженная, стонет под тяжестью его тела. Кажется, он в жизни не желал ничего сильнее. Что ж, это было не лишено смысла. Женщина, охваченная желанием, готовая пасть в объятия мужчины, – слишком легкая добыча. А затащить мисс Маркс в постель и помучить ее, затягивая игру, пока она не станет визжать, моля о пощаде... это было бы по-настоящему весело.

Лео осторожно приблизился. При виде его Кэтрин напряженно застыла. Лицо ее страдальчески сморщилось, губы сурово сжались. Перед глазами Лео тотчас замелькали соблазнительные картины: вот он обхватывает ладонями лицо мисс Маркс и впивается жадным, хищным поцелуем в ее губы, она задыхается в его объятиях, тело ее слабеет, становится мягким и податливым...

Но он стоял, держа в карманах сжатые кулаки и бесстрастно разглядывая мисс Маркс.

– Не желаете ли объяснить, что здесь происходит? – произнес он низким, лишенным всякого выражения голосом.

Солнце блеснуло в стеклах очков мисс Маркс, скрыв на мгновение ее глаза.

– Вы шпионили за мной, милорд?

– Вот еще. Меня несколько не интересует, чем занимаются старые девы в свое свободное время. Но когда мой зять целует в саду гувернантку, это трудно не заметить.

Мисс Маркс умела держать удар, надо отдать ей должное. Она и бровью не повела, лишь сжала руки на коленях. «Такому самообладанию можно только позавидовать», – невольно восхитился Лео.

– Один поцелуй, – невозмутимо заявила она. – В лоб.

– Не важно, сколько раз Ратледж целовал вас и куда. Потрудитесь объяснить мне, почему он это сделал. И как случилось, что вы ему позволили подобную вольность. Да попытайтесь придумать правдоподобное объяснение, поскольку я чертовски близок к тому, чтобы собственноручно вытащить вас на дорогу и затолкать в первую же повозку, едущую в Лондон.

– Отправляйтесь к дьяволу, – вполголоса пробормотала Кэтрин, вскакивая на ноги. Она не успела сделать и двух шагов, как Лео настиг ее, обхватив за талию. – Не прикасайтесь ко мне! – вскричала девушка.

Лео повернул мисс Маркс к себе, не слушая ее гневных протестов. Его ладони сжали хрупкие плечи Кэтрин, обтянутые тонким муслином. Он ощутил сквозь ткань тепло ее кожи. Легкий невинный запах лавандовой воды коснулся его ноздрей. Взгляд его задержался на ее горле, слегка припудренном тальком. Исходивший от нее аромат напомнил Лео свежестеленную кровать с наглаженными простынями. О, как бы ему хотелось скользнуть в нее!

– У вас слишком много секретов, Маркс. Вот уже больше года вы с вашим острым язычком и загадочным прошлым для меня как бельмо на глазу. Довольно, я требую ответа. О чем вы говорили с Гарри Ратледжем?

Тонкие брови Кэтрин, куда более темного оттенка, чем ее волосы, сердито нахмурились.

– Почему бы вам не спросить его?

– Я спрашиваю вас. – Наткнувшись на упрямое молчание мисс Маркс, Лео решил прибегнуть к хитрости: – Будь вы женщиной другого сорта, я заподозрил бы, что вы пытаетесь оплести Гарри своими чарами. Но мы с вами оба знаем, что в вас нет ни капли соблазна, не так ли?

– Если бы мне и вздумалось кого-то обольстить, то уж точно не вас!

– Будет вам, Маркс, попробуем хоть раз побеседовать мирно и спокойно.

– Ну нет, сначала уберите от меня свои руки.

– Чтобы вы тотчас сбежали? Нынче слишком жарко, мне вовсе не хочется гоняться за вами по саду.

Мгновенно ошестинившись, Кэтрин попыталась оттолкнуть Лео. Гневно закусив губу, она уперлась ладонями ему в грудь. Лео обвел взглядом ее тело, сжатое корсетом, стянутое шнуровкой, окутанное бесчисленными ярдами муслина. При мысли о том, что скрывается под ее платьем – бело-розовая кожа, нежные округлости, золотистый пушок... – лорд Рамзи ощутил острый прилив желания. По телу Кэтрин пробежала дрожь, словно девушка прочитала его мысли. Лео внимательно взгляделся в ее лицо. Голос его смягчился.

– Вы боитесь меня, Маркс? Вы? Женщина, которая никогда не упускает случая меня осадить, поставить на место, сразить дубиной или вонзить мне в грудь отравленный кинжал?

– Разумеется, нет. Вы просто заносчивый осел. Я лишь хочу, чтобы вы вели себя как подобает человеку в вашем положении.

– Вы хотите сказать, как приличествует пэру? – Лео насмешливо вскинул брови. – Вот как ведут себя пэры. Странно, что вы только сейчас заметили.

– О, я и раньше замечала. Если кому-то посчастливилось унаследовать титул, он должен нести его достойно, пытаясь соответствовать своему высокому положению. Быть пэром – нелегкая обязанность. На вас лежит огромная ответственность, а вы, похоже, считаете, что титул дает вам право пускаться во все тяжкие и потворствовать своим отвратительным капризам. Более того...

– Маркс... – перебил девушку Лео. Его бархатный голос звучал вкрадчиво. – Я оценил вашу великолепную попытку увести наш разговор в сторону. Но вам не удастся меня обмануть. Я не выпущу вас, пока вы не скажете мне то, что я желаю знать.

Кэтрин с усилием сглотнула подступивший к горлу ком, пытаясь не смотреть на Лео, что было довольно затруднительно, поскольку тот стоял прямо перед ней.

– Сцена, которой вы стали свидетелем... Я разговаривала с мистером Ратледжем наедине...

– Да?

– Потому что... Гарри Ратледж – мой брат.

Склонив голову, Лео неподвижно уставился на Кэтрин, пытаясь осмыслить услышанное. Он чувствовал себя последним простофилей, обманутым, вероломно преданным. В душе его клочотала ярость. Дьявольщина! Оказывается, мисс Маркс и Гарри Ратледж – брат и сестра!

– Но это какая-то бессмыслица! Не вижу причин, почему вам понадобилось хранить в тайне свое родство.

– Все слишком запутано.

– Отчего ни один из вас прежде не упоминал, что вы брат и сестра?

– Вам незачем это знать.

– А вам следовало открыть мне правду, прежде чем Ратледж женился на Поппи. Вы обязаны были поставить меня в известность.

– Это еще почему?

– А как же порядочность, черт возьми? Может, вам еще что-то известно о моей семье? Какие еще секреты вы скрываете?

– Это вас не касается, – огрызнулась Кэтрин, пытаясь высвободиться. – Пустите меня!

– Нет, сначала я выясню, что вы замышляете. Кэтрин Маркс – ваше настоящее имя? Кто вы такая, черт побери? – Лео негромко выругался, когда девушка с силой рванулась из его рук. – Стойте смирно, маленькая дьяволица. Я хочу лишь... Ой! – вскрикнул лорд Рамзи: Кэтрин повернулась и острым локтем ткнула его в бок.

Этот маневр позволил мисс Маркс выскользнуть, но ее очки упали в траву.

– Мои очки! – С тяжелым вздохом девушка опустила на корточки и принялась обшаривать землю в поисках очков.

Гнев Лео тотчас улетучился. Его охватило чувство вины. Похоже, без очков мисс Маркс была слепа как крот. При виде ползающей на коленях Кэтрин он почувствовал себя грубым животным, упрямым ослом. Опустившись на четвереньки, Лео тоже включился в поиски.

– Вы не заметили, куда они упали? – робко спросил он.

– Если бы могла заметить, – яростно прошипела мисс Маркс, – то не нуждалась бы в очках, верно?

Наступило короткое молчание.

– Я помогу вам найти очки.

– Как любезно с вашей стороны, – ядовито бросила Кэтрин.

Несколько минут непримиримые враги ползали по саду, пытаясь отыскать очки среди нарциссов.

– Так вам действительно нужны очки? – заговорил наконец Лео.

– Разумеется, – сварливо проворчала мисс Маркс. – С чего бы я стала носить очки, если бы могла без них обойтись?

– Я думал, что они, возможно, часть вашей маскировки.

– Моей маскировки?

– Да, Маркс, маскировки. Под этим словом обычно подразумевается набор средств, позволяющих человеку изменить внешность и остаться неузнанным. К маскировке часто при-

бегают преступники и шпионы. А теперь, видно, и гувернантки. Боже милостивый, ну хоть в чем-нибудь моя семья похожа на обычные семьи?

Мисс Маркс, беспомощно моргая, сердито покосилась на Лео. Взгляд ее казался затуманенным. Она походила на испуганного ребенка, у которого отняли любимое одеяльце. Лео с удивлением ощутил болезненный укол в сердце.

– Я найду ваши очки, – решительно выпалил он. – Даю вам слово. Если хотите, можете вернуться в дом, пока я занимаюсь поисками.

– Нет, спасибо, – криво усмехнулась девушка. – Если я сама попробую отыскать дом, то скорее всего забреду в сарай.

Заметив в траве металлический отблеск, Лео протянул руку и нащупал очки.

– Вот они. – Он подполз к стоявшей на коленях Кэтрин. Протерев стекла очков краем рукава, он скомандовал: – Оставайтесь на месте.

– Отдайте мне очки.

– Нет уж, позвольте мне, упрямая вы женщина. Пререкаться для вас так же естественно, как дышать, верно?

– Да, это правда, – призналась Кэтрин и покраснела, когда Лео хрипло рассмеялся в ответ.

– Мало радости дразнить вас, когда вы так легко сдаетесь, Маркс. – Он осторожно водрузил очки девушке на нос и легко провел пальцами по дужкам, внимательно разглядывая оправу. – Очки сидят не слишком-то прочно. – Он робко погладил ее розовое ухо. В ярких лучах солнца Кэтрин была чудо как хороша, серые глаза сверкали синими и зелеными искрами, словно опалы. – Какие маленькие ушки, – пробормотал Лео. Его ладони легли на изящно очерченные скулы девушки. – Неудивительно, что ваши очки так легко сваливаются. Дужкам почти не за что зацепиться.

Изумленная Кэтрин смотрела на него во все глаза.

«Какая она хрупкая», – подумал Лео. Он успел забыть, что эта женщина с железной волей и крутым, колючим нравом едва ли не вполтину миниатюрнее его. Лео ожидал, что она с отвращением сбросит его руки – Кэтрин терпеть не могла, когда к ней прикасались, а прикосновение ненавистного лорда Рамзи должно было ее взбесить, – но девушка не шелухнулась. Палец Лео нежно скользнул по шее Кэтрин, ее горло едва заметно дрогнуло. Было в этом мгновении что-то нереальное, оно напоминало чудесный сон, и Лео вовсе не желал просыпаться.

– Так Кэтрин – ваше настоящее имя? – спросил он. – Может, ответите хотя бы на этот вопрос?

Девушка нерешительно молчала, боясь уступить даже в этой малости. Но когда ладонь Лео обхватила ее затылок, в глазах ее мелькнула беспомощность, лицо вспыхнуло от смущения.

– Да, – чуть слышно прошептала она. – Меня зовут Кэтрин.

Они все еще стояли на коленях. Пышные юбки девушки широким кругом раскинулись на траве. Лео заметил, что случайно придавил ногой складку муслина с набивным цветочным рисунком. Волнующая близость мисс Маркс мгновенно отозвалась в его теле обжигающей волной. Мышцы натянулись и окаменели. Лео понимал: этому следует положить конец, пока он не совершил что-нибудь такое, о чем оба они будут жалеть.

– Я помогу вам подняться, – отрывисто бросил он, делая попытку встать. – Пойдемте в дом. Но предупреждаю: я еще не все выяснил и не отпущу вас, пока не...

Он растерянно замолчал, потому что в это мгновение мисс Маркс попыталась подняться и коснулась грудью его груди. Оба тотчас замерли, глядя друг другу в глаза. Они оказались лицом к лицу, так близко, что их прерывистое, тяжелое дыхание смешалось.

Лео вновь охватило ощущение нереальности происходящего. Он стоял на коленях в летнем саду, в россыпи алых маков, вдыхая аромат нагретой солнцем смятой травы и... сжимая в объятиях Кэтрин Маркс. Ее белокурые волосы сияли в лучах солнца, а кожа казалась нежной,

будто лепестки цветка. Верхняя губа ее была почти такой же полной, как нижняя. Эти восхитительные пухлые губы манили сладостью, словно спелая гладкая хурма. Неотрывно глядя на рот Кэтрин, Лео почувствовал, как волосы у него на затылке встали дыбом.

«Некоторым искушениям лучше не сопротивляться, – смутно подумалось ему. – Потому что иначе они будут преследовать тебя вечно, вновь и вновь. Подобным соблазнам следует уступать, это единственный способ от них отделаться».

– Проклятие, – прохрипел он. – Я это сделаю. Даже зная, что после меня разорвут в клочья.

– Что сделаете? – изумленно округлив глаза, спросила мисс Маркс.

– Вот что.

И он приник губами к ее губам.

«Наконец-то, – казалось, вздохнул каждый его мускул. – Наконец-то». Ощущение было таким приятным, что на мгновение Лео замер, не в силах пошевелиться. Захваченный этим незнакомым, ошеломляющим чувством, он полностью растворился в нем. Он уже не думал ни о чем, уступая лишь своим желаниям... жадно впиваясь в нежные губы Кэтрин, пробуя их на вкус, покусывая, играя, жая дрожащим языком. За одним поцелуем следовал другой, нетерпеливый, страстный, ненасытный. По телу Лео разливалось блаженство, трепетал каждый его нерв, каждая жилка.

Боже милостивый, его переполняло желание, безумная жажда запустить руки под одежду Кэтрин и ощутить ладонями тепло ее тела, гладкость кожи. Прижаться губами к самым потаенным местечкам, изведать на вкус ее плоть. Мисс Маркс беспомощно отвечала на поцелуи Лео, обвив рукой его шею. Она прильнула к нему всем телом, словно бурлившая в ней страсть лишила ее воли. Наверное, так и было. Они яростно сжимали друг друга в объятиях, их сплетенные тела двигались в исступленном дикарском ритме. Если бы не бесчисленные слои одежды, они слились бы воедино.

Лео давно следовало остановиться, но он все продолжал целовать Кэтрин, и не только ради удовольствия, но и потому, что пытался всеми силами оттянуть то, что неизбежно должно было случиться потом. Их натянутые отношения, давно переросшие в неутраченную войну, не могли остаться прежними после подобной бурной сцены. Война грозила перейти в новую фазу с непредсказуемыми последствиями, и ни ему, ни Кэтрин – Лео в этом не сомневался – не хотелось даже думать, куда это способно их завести.

Почувствовав, что не может волевым усилием отпустить мисс Маркс, Лео решил сделать это постепенно. Его губы прижались к краешку ее рта, легко коснулись подбородка и приникли к нежной впадинке у уха, где тревожно билась голубая жилка.

– Маркс, – прошептал он, тяжело дыша, – я этого боялся. И все же знал... – Внезапно осекшись, он поднял голову и посмотрел на Кэтрин.

Она испуганно покосилась на него сквозь затуманенные стекла очков.

– Мои очки... я снова их потеряла.

– Нет. Просто стекла запотели.

Как только стекла вновь стали прозрачными, мисс Маркс резко оттолкнула виконта и, пошатываясь, вскочила на ноги, яростно отбиваясь от попыток Лео ей помочь.

Давние враги посмотрели друг на друга. Лео не смог бы сказать, кто из них был больше потрясен.

Должно быть, все же мисс Маркс, судя по выражению ее лица.

– Забудьте о том, что случилось, – гневно выпалила она. – Ничего не было. Если у вас хватит наглости упомянуть об этом происшествии, я буду все отрицать, так и знайте. – Кэтрин ожесточенно похлопала по юбкам, стряхивая прилипшие листья и траву, и метнула на Лео свирепый взгляд, в котором явственно сквозила угроза. – Я иду в дом. И не смейте меня преследовать.

Глава 2

Они не попадались друг другу на глаза до самого обеда, за которым собрались сестры Лео – Амелия, Уин и Поппи, а также их мужья – Кэм Роан, Кев Меррипен и Гарри Ратледж. Кэтрин Маркс сидела рядом с Беатрикс за дальним концом стола.

Ни одна из сестер Лео не выбрала себе в мужа заурядного мужчину. Роан и Меррипен оба были цыганами, что отчасти объясняло, как им удалось столь легко влиться в весьма необычное семейство Хатауэев. А супруг Поппи, Гарри Ратледж, влиятельный и солидный владелец отеля, тоже снискал репутацию человека крайне эксцентричного. Если верить слухам, врагам он нравился даже больше, чем друзьям.

Неужели это правда, что Кэтрин Маркс – сестра Гарри? За обедом Лео то и дело переводил взгляд с зятя на гувернантку, ища фамильное сходство. «Черт побери, а они ведь действительно похожи», – заключил он наконец. Высокие скулы, прямая линия бровей, чуть раскосые кошачьи глаза.

– Мне нужно поговорить с тобой, – обратился Лео к Амелии, когда обед подошел к концу. – Наедине.

В голубых глазах сестры вспыхнуло любопытство.

– Конечно. Может, прогуляемся по саду? Еще довольно светло.

Лео коротко кивнул.

Будучи старшими детьми в семье, Лео с Амелией нередко препирались и ссорились. И все же Амелия всегда была лучшим другом Лео, именно ей онверял самые сокровенные свои тайны. Амелия отличалась завидным здравомыслием и всегда без колебаний говорила все, что думает.

Никто и представить себе не мог, что рассудительная Амелия способна потерять голову из-за неотразимого цыгана Кэма Роана. Но Кэму удалось очаровать девушку и жениться на ней прежде, чем она успела понять, что происходит. Став мужем Амелии, Кэм взял на себя заботу о Хатауэях, нуждавшихся в мудрой опеке. Знойный красавец с длинными иссиня-черными волосами и бриллиантовой серьгой в ухе, Кэм мало походил на степенного отца семейства. Но основательность и приверженность традициям помогли ему в нелегком деле управления семьей. Теперь Кэм с Амелией растили девятимесячного сына Рая, унаследовавшего черные волосы отца и голубые глаза матери.

Лениво прогуливаясь с Амелией по уединенной аллее, Лео обвел взглядом собственника свои владения. Летом в Гэмпшире темнело поздно, и вечернее солнце освещало пеструю мозаику из лесов, лугов и поросших вереском пустошей. Бесчисленные ручьи и реки питали болотца и широкие поймы, где в изобилии водилась дичь. Хотя поместье Рамзи не принадлежало к числу самых крупных в графстве, живописные древние леса и три тысячи акров пахотной земли снискали ему славу одного из самых красивых уголков Гэмпшира.

За минувший год Лео ближе познакомился с арендаторами своих владений, сумел усовершенствовать системы орошения и дренажа, починил изгороди и ворота, восстановил ветхие строения... и, черт побери, узнал о фермерстве много больше, чем ему хотелось бы. Он в точности следовал строгим указаниям Кева Меррипена.

Меррипен, живший в семье Хатауэй с самого детства, задался целью узнать об управлении именем все, что только возможно, и теперь щедро делился накопленными знаниями с Лео.

– Эта земля не станет твоей, – веско заявил Кев, – пока ты не оросишь ее своей кровью и потом.

– Кровью и потом? И только-то? – насмешливо отозвался Лео. – Уверен, я мог бы поделиться и кое-какими другими телесными жидкостями, если это так важно.

Но в душе Лео признавал, что Меррипен прав. Без упорного труда невозможно почувствовать себя хозяином, ощутить неразрывную связь с землей.

Сунув руки поглубже в карманы, Лео тяжело вздохнул. С самого обеда его не оставляли беспокойство и раздражение.

– Похоже, ты повздорил с мисс Маркс, – заметила Амелия. – Обычно за столом вы с ней обмениваетесь колкостями, а сегодня вечером оба вы словно воды в рот набрали. За обедом она не поднимала глаз от тарелки.

– Ссоры не было, – коротко пробормотал Лео.

– Тогда что же случилось?

– Маркс призналась мне... вынужденно... что Ратледж ее брат.

Амелия с подозрением покосилась на Лео:

– И как же ты ее вынудил?

– Какая разница? Ты слышала, что я только что сказал? Гарри Ратледж...

– Мисс Маркс и без тебя хватает сложностей, а ты еще добавляешь, – неодобрительно проворчала Амелия. – Надеюсь, ты не был с ней жесток, Лео. Потому что если ты...

– Я жесток с Маркс?! Это обо мне тебе следует волноваться. После разговора с этой мегерой я обычно еле ноги уношу. Она бросается на меня, словно дикая кошка, и когтями раздирает мне кишки. – Возмущение Лео лишь усилилось, когда он заметил, что сестра пытается скрыть улыбку. – Похоже, для тебя не новость, что Ратледж и Маркс родственники, – добавил он тоном обвинителя.

– Я узнала об этом несколько дней назад.

– Почему же ты мне ничего не сказала?

– Кэтрин просила меня не говорить, и я обещала, ведь речь идет о ее частной жизни.

– Какого дьявола Маркс разводит тут секреты, когда всем остальным нечего скрывать? – Лео резко остановился и требовательно уставился на Амелию, заставив ее замереть на месте. – Почему нужно делать тайну из того, что эта особа – сестра Ратледжа?

– Я точно не знаю, – смущенно призналась Амелия. – Кэтрин сказала только, что так нужно для ее безопасности.

– Безопасности? От кого ей защищаться?

Амелия беспомощно покачала головой.

– Может, тебе лучше спросить Гарри? Хотя я сомневаюсь, что он скажет.

– Видит бог, кто-то должен мне все объяснить, а иначе я вышвырну отсюда Маркс, она и моргнуть не успеет!

– Лео! – изумленно воскликнула Амелия. – Ты этого не сделаешь.

– Сделаю с превеликим удовольствием.

– Подумай о Беатрикс, это ее ужасно огорчит...

– О Беатрикс я и думаю. Я не позволю, чтобы за моей младшей сестрой присматривала женщина, которая, возможно, скрывает какую-то опасную тайну. Если такой человек, как Гарри Ратледж, что водит знакомство с самыми отъявленными мерзавцами во всем Лондоне, не может открыто признать собственную сестру... чего доброго, она преступница. Тебе не приходило это в голову?

– Нет, – с каменным выражением лица бросила Амелия, возобновляя прогулку. – Честно говоря, Лео, это слишком драматично даже для тебя. Мисс Маркс не преступница.

– Не будь наивной, – фыркнул Лео, догнав сестру. – Всякий, кого ни возьми, не тот, кем притворяется.

После недолгого молчания Амелия осторожно спросила:

– Что ты собираешься делать?

– Утром я уезжаю в Лондон.

Амелия изумленно округлила глаза:

– Но Меррипен надеется, что ты станешь сажать турнепс, разбрасывать удобрения и...

– Я знаю, чего ждет от меня Меррипен. Я в отчаянии от того, что придется пропустить его увлекательные лекции о чудодейственных свойствах навоза. И тем не менее я уеду. Хочу провести пару дней с Ратледжем и вывести у него то, что меня интересует.

Амелия недоуменно нахмурилась:

– Почему бы тебе не поговорить с ним здесь?

– Потому что у него медовый месяц. Едва ли ему захочется провести свой последний вечер в Гэмпшире, болтая со мной. Вдобавок я решил взять небольшой заказ на проект оранжереи для одного особняка в Мейфэре.

– А мне кажется, ты просто хочешь спрятаться подальше от Кэтрин. Думаю, между вами что-то произошло.

Лео посмотрел на закатное небо, расцвеченное ярко-оранжевыми и пурпурными разводами.

– Темнеет, – нарочито бодрым тоном заметил он. – Нам лучше вернуться.

– Тебе не удастся убежать от своих проблем, ты и сам знаешь.

Губы Лео раздраженно скривились.

– И почему люди так любят это повторять? Разумеется, убежать от своих проблем можно. Я всегда так делаю, и этот прием никогда еще меня не подводил.

– Ты просто одержим Кэтрин, – стояла на своем Амелия. – Это ясно всем вокруг.

– И кто же из нас склонен драматизировать? – усмехнулся Лео, направляясь в сторону Рамзи-Хауса.

– Ты внимательно следишь за всем, что она делает, – упрямо продолжала Амелия, шагая рядом с братом. – Стоит кому-то упомянуть ее имя, как ты тотчас обращаешься в слух. И я замечаю, что в последнее время, разговаривая или споря с ней, ты кажешься более оживленным, чем когда-либо после...

– После чего?

– После скарлатины.

Эту тему в семье всегда обходили молчанием.

За год до того, как Лео унаследовал титул виконта, в деревне, где жили Хатауэй, вспыхнула жестокая эпидемия скарлатины.

Ее первой жертвой стала Лаура Диллард, невеста Лео.

Семья Лауры позволила жениху оставаться у постели больной. Три дня, час за часом, девушка металась в лихорадке у него на руках, пока дыхание ее не остановилось.

Вернувшись домой, Лео слег, пораженный скарлатиной. Заразилась и Уин. Каким-то чудом обоим удалось выжить, но Уин так до конца и не оправилась от болезни, а Лео, выздоровев, изменился до неузнаваемости. Слишком глубокие раны в его душе оставило случившееся. Казалось, он одержим кошмаром, от которого никак не может пробудиться. Его больше не заботило, жив он или мертв. Впоследствии Лео не мог себе простить, что заставил страдать своих близких, взвалив на их плечи еще и этот груз. В самые страшные дни, когда Лео все глубже погружался в свое горе, разрушая себя, семья Хатауэй приняла решение отправить Уин в лечебницу во Франции и послать брата ее сопровождать.

Пока Уин укрепляла слабые легкие в лечебнице и набиралась сил, Лео проводил долгие часы, прогуливаясь по сонным от жары деревенским улочкам Прованса, среди крохотных домишек с черепичными крышами, бродил по выжженным солнцем полям и живописным холмам, усеянным дикими цветами. Яркое солнце, синее небо, дрожащий от зноя воздух и *lenteur* – восхитительная неспешность жизни – очистили его мысли, наполнив душу покоем. Лео бросил пить, если не считать единственного бокала вина за обедом. Он много рисовал, карандашом и красками, и... предавался горю.

Когда Лео с сестрой вернулись в Англию, Уин не откладывая совершила то, к чему давно стремилась всей душой, – вышла замуж за Меррипена.

Что же до Лео, он пытался всеми силами загладить свою вину перед семьей. Но главное, он дал себе слово избегать любви. Зная, на какую разрушительную глубину чувств он способен, Лео поклялся, что не позволит ни одному человеческому существу вновь обрести над ним власть.

– Сестренка, – уныло проворчал он, замедляя шаг, чтобы идти рядом с Амелией, – если ты вбила себе в голову, что я испытываю какой-то личный интерес к Маркс, забудь об этом. Я хочу лишь выяснить, что за скелет она прячет у себя в шкафу. И, зная ее, могу предположить – скелет самый настоящий.

Глава 3

– До двадцати лет я даже не знал о существовании Кэт, – признался Гарри Ратледж, вытянув длинные ноги. Вместе с Лео они уютно устроились в клубном зале его отеля. Это роскошное уединенное помещение с множеством восьмиугольных апсид служило излюбленным местом встреч знатных иностранцев, богатых путешественников, политиков и аристократов.

Лео оглядел зятя с плохо скрываемым скепсисом. В списке мужчин, которых он выбрал бы в мужа своим сестрам, имя Ратледжа уж точно не заняло бы первую строку. Лео не доверял Гарри. С другой стороны, у Ратледжа были свои достоинства, и в первую очередь безусловная преданность Поппи.

Отхлебнув из пузатого бокала глоток подогретого бренди, Гарри задумался, прежде чем продолжить разговор. Обворожительный красавец, он умело пользовался своим обаянием и безжалостно вертел людьми, добиваясь собственных целей. Впрочем, можно ли ожидать иного от человека, достигшего подобных успехов, создавшего самый шикарный и процветающий отель во всем Лондоне?

– Мне не хочется говорить о Кэт по нескольким причинам, – произнес Гарри. В его зеленых глазах читалась настороженность. – Прежде всего я никогда не был по-настоящему добр к ней, не оберегал ее, когда должен был. Теперь я об этом сожалею.

– Все мы о чем-то сожалеем, – глотнув бренди, заметил Лео, чувствуя, как по горлу разливается бархатный огонь. – Вот почему я цепляюсь за свои дурные привычки. Нужно прежде от чего-то отказаться, чтобы начать потом об этом сожалеть.

Гарри улыбнулся, глядя на пламя маленького свечного фонарика, стоявшего на столе, и лицо его вновь приняло серьезное выражение.

– Прежде чем что-то рассказать, я хотел бы спросить, почему вас интересует моя сестра.

– Я навожу справки как ее наниматель, – отозвался Лео. – Меня беспокоит, какое влияние она может оказать на Беатрикс.

– Но раньше вы не задавались этим вопросом, – вздернул брови Гарри. – И все считают, что Кэт отлично справляется со своими обязанностями.

– Это верно, и все же неожиданная новость о вашем загадочном родстве встревожила меня. Боюсь, вы двое замыслили какую-то интригу.

– Нет. – Гарри смело встретил взгляд Лео. – Никакой интриги.

– Тогда к чему вся эта таинственность?

– Я не могу объяснить, не рассказав вам кое-что о своем прошлом... – Немного помолчав, Гарри хмуро добавил: – Чего мне вовсе не хочется.

– Сожалею, – пробурчал Лео без тени раскаяния. – Я вас внимательно слушаю.

Гарри помедлил, словно раздумывая, стоит ли откровенничать с шурином.

– У нас с Кэт общая мать, – заговорил он наконец. – Ее звали Николетт Уигенз. Урожденная англичанка. Семья ее переехала из Англии в Буффало, штат Нью-Йорк, когда Николетт была еще ребенком. Поскольку девочка была единственным ребенком в семье и вдобавок довольно поздним, Уигензы мечтали выдать ее замуж за солидного мужчину, который смог бы о ней позаботиться. Мой отец Артур был более чем вдвое старше Николетт и обладал весьма значительным состоянием. Подозреваю, на браке настояли Уигензы, любви здесь не было и в помине. Николетт стала женой Артура, и вскоре родился я. На самом деле даже слишком скоро. Поговаривали, что отец ребенка вовсе не Артур.

– А это правда? – не сдержал любопытства Лео.

Гарри цинично усмехнулся:

– Кто может знать наверняка? – Он равнодушно пожал плечами. – Во всяком случае, дело кончилось тем, что моя мать сбежала в Англию с одним из своих любовников. – Взгляд Гарри

сделался отстраненным. – Полагаю, после у нее были и другие мужчины. Моя мать не привыкла хоть в чем-то себя ограничивать. Она была избалованной, самовлюбленной стервой, хотя и на редкость красивой. Внешне Кэт очень на нее похожа. – Ратледж на мгновение задумался. – Но ее красота мягче, изысканнее. И в отличие от матери у Кэт доброе, нежное сердце.

– Неужели? – кисло протянул Лео. – Со мной она никогда не была нежна.

– Это потому, что вы ее пугаете.

Лео недоверчиво нахмурился:

– Как, скажите на милость, мне удалось запугать эту маленькую гарпию? Только не говорите, что Маркс боится мужчин, с Кэмом и Меррипенем она весьма любезна.

– С ними она чувствует себя в безопасности.

– А со мной нет? – оскорбленно вскинулся Лео.

– Наверное, дело в том, – задумчиво проговорил Гарри, – что в вас она видит мужчину.

От этой новости сердце Лео взволнованно заколотилось. С напускным безразличием он принялся изучать содержимое своего бокала.

– Она вам об этом сказала?

– Нет, я сам это заметил в Гэмпшире. – Гарри криво усмехнулся. – С Кэт приходится быть особенно наблюдательным. Она не любит говорить о себе. – Допив остатки бренди, он неторопливо поставил бокал на стол и откинулся на спинку стула. – Я ничего не слышал о матери с тех пор, как она покинула Буффало. – Гарри сложил руки на плоском животе и сплел пальцы. – Но когда мне исполнилось двадцать, я получил от нее письмо с просьбой приехать в Англию. Ее поразила неизлечимая болезнь, какая-то форма рака. Полагаю, перед смертью ей захотелось увидеть, что из меня выросло. Я тотчас выехал в Англию, но не застал мать в живых.

– И тогда вы впервые встретились с Маркс, – подсказал Лео.

– Нет, ее не было в Лондоне. Хотя Кэт хотела остаться с матерью, ее отослали к тете и бабушке с отцовской стороны. А ее отец, не желавший сидеть у постели больной, тоже покинул город.

– Образец благородства, – угрюмо заметил Лео.

– В последние дни за Николетт ухаживала одна местная женщина. Это она рассказала мне о Кэт. Я хотел было навестить девочку, но потом раздумал. В моей жизни не было места незаконнорожденной сестре. Она была почти вдвое младше меня и нуждалась в женской заботе. Я решил, что ей будет лучше под опекой тети.

– И решение оказалось правильным? – через силу выдавил Лео.

Лицо Гарри приняло непроницаемое выражение.

– Нет.

Казалось, в этом односложном ответе заключена целая история. Лео очень хотелось бы услышать ее.

– Что же случилось дальше?

– Я решил остаться в Англии и попробовать себя в гостиничном деле. Поэтому я отправил Кэт письмо, сообщив, куда послать весточку, если ей что-нибудь понадобится. Несколько лет спустя, когда Кэт сравнялось пятнадцать, она написала мне, попросив о помощи. Я нашел ее... в довольно трудных обстоятельствах. Жаль, что я не приехал к ней раньше.

Ощувив укол необъяснимой тревоги, Лео уже не мог разыгрывать безразличие.

– Что значит «в трудных обстоятельствах»?

Гарри покачал головой:

– Боюсь, это все, что я могу вам поведать. Остальное решать Кэт.

– Черт возьми, Ратледж, вы должны мне все объяснить. Я хочу знать, как в это дело ввязалась моя семья и почему мне выпало несчастье жить в одном доме с самой сварливой и вздорной гувернанткой во всей Англии.

– Кэт нет нужды работать. У нее достаточно средств, чтобы вести независимую жизнь. Я щедро ее обеспечил, и она вольна делать все, что пожелает. Кэтрин четыре года проучилась в пансионе и еще два проработала там учительницей. А потом явилась ко мне и сказала, что устроилась гувернанткой в семью Хатауэй. Кажется, в это время вы с Уин были во Франции. Придя наниматься на работу, Кэт сумела понравиться Кэму и Амелии. Беатрикс и Поппи, несомненно, нуждались в ней. Похоже, никому не пришло в голову спросить, достаточно ли у нее опыта.

– Ну еще бы, – желчно проворчал Лео. – Мое семейство не придает значения таким пустякам, как опыт работы. Уверен, принимая ее на службу, они первым делом поинтересовались, какой у нее любимый цвет.

Гарри не удержался от улыбки:

– Тут вы, бесспорно, правы.

– Но зачем Маркс пошла в услужение, если она не нуждается в деньгах?

Ратледж пожал плечами.

– Ей хотелось понять, что такое семья, хотя бы взглянув со стороны. Кэт уверена, что у нее никогда не будет собственной семьи.

Лео недоуменно сдвинул брови, силясь осмыслить услышанное.

– Но ей ничто не мешает обзавестись семьей, – заметил он.

– Вы так думаете? – В холодных зеленых глазах Ратледжа мелькнула насмешка. – Вам, Хатауэям, никогда не понять, что значит расти в одиночестве, среди людей, которым на вас плевать. В конце концов вам неизбежно начинает казаться, что вы сами виноваты в своем несчастье, что вы недостойны любви. Это горькое чувство обволакивает вас плотной пеленой и становится вашей тюрьмой, а вскоре вы уже своими руками заколачиваете окна и двери, не позволяя никому приблизиться к вам.

Лео внимательно слушал, понимая, что Гарри говорит не только о Кэтрин, но и о себе. «Ратледж прав», – признал он. Даже в дни самого черного отчаяния Лео всегда знал, что у него есть любящая семья.

Он впервые понял, что совершила Поппи, разрушив невидимую стену, которой окружил себя Гарри.

– Спасибо, – тихо произнес Лео. – Я вижу, вам нелегко было говорить об этом.

– Совершенно верно. – Сохраняя полнейшую серьезность, Гарри добавил: – Хочу, чтобы вы уяснили себе одну вещь, Рамзи. Если вы обидите Кэт, мне придется вас убить.

В уютной, со вкусом обставленной спальне Поппи в одной ночной сорочке полулежала на кровати с книгой в руках. Услышав шум приближающихся шагов, она подняла глаза и радостно улыбнулась вошедшему в комнату мужу. Изящный, темноволосый, он казался воплощением мужской красоты. Сердце Поппи учащенно забилося. Гарри слыл человеком загадочным и даже опасным, как утверждали те, кто хорошо его знал. Но с женой он всегда был искренен и нежен.

– Ты говорил с Лео?

– Да, любовь моя. – Сняв сюртук, Гарри бросил его на спинку кресла и подошел к кровати. – Он хотел расспросить меня о Кэт, как я и думал. Я рассказал ему о нашем с ней прошлом, не углубляясь в подробности.

– Ну и что ты о нем скажешь? – Поппи знала, что Гарри, как никто другой, умеет читать в душах людей, угадывая их мысли и побуждения.

Гарри развязал галстук, оставив его висеть на шее.

– Рамзи увлечен Кэт куда больше, чем ему хотелось бы, это ясно. И мне это не по душе. Но я не стану вмешиваться, пока Кэт не попросит о помощи. – Протянув руку к обнаженной шее жены, он легко провел кончиками пальцев по ее горлу, нежно коснулся трепещущей голубой

жилки. У Поппи участилось дыхание. Видя, как медленно розовеет ее прелестное лицо, Гарри хрипло прошептал: – Отложи книгу.

– Но я как раз дочитала до самого интересного места, – с притворной скромностью возразила она, поддразнивая мужа.

– Твой роман и вполнину не так интересен, как то, что случится сейчас с тобой.

Резко отбросив покрывало, Гарри склонился над женой... и забытая книга полетела на пол.

Глава 4

Кэтрин надеялась, что Лео, лорд Рамзи, еще не скоро вернется в Гэмпшир. Возможно, если пройдет достаточно времени, полагала девушка, им удастся притвориться, будто того поцелуя в саду вовсе не было.

А пока Кэтрин оставалось лишь теряться в догадках, зачем Лео поцеловал ее.

Скорее всего он просто забавлялся за ее счет, открыв новый способ вывести ее из равновесия.

«Будь в жизни справедливость, – с горечью думала она, – Лео был бы тщедушным лысым коротышкой, вдобавок рябым». Но судьба наделила его красотой, силой и ростом в шесть футов, а еще темными волосами, голубыми глазами и ослепительной улыбкой. Самое ужасное, что мерзавец Лео вовсе не походил на последнего негодяя. Он казался порядочным, великодушным и благородным, самым милым джентльменом, какого только можно себе представить.

Эта иллюзия развеивалась, стоило лорду Рамзи открыть рот. Грубость и язвительность сочились изо всех его пор. Он не щадил никого, и меньше всего самого себя. За год, что Кэтрин знала Рамзи, тот успел показать самые мерзкие стороны своего нрава, и любые попытки осадить его лишь подливали масла в огонь. Особенно если эти попытки исходили от Кэтрин.

Лео был человеком с дурным прошлым и даже не пытался это скрывать. Он без смущения говорил о своем беспутстве и пьянстве, о бесконечных скандалах, драках и буйстве, которые принесли столько горя семье Хатауэй. Складывалось ощущение, что ему нравится быть отъявленным мерзавцем или по крайней мере считаться таковым. Он мастерски играл роль пресыщенного аристократа, в его глазах застыла циничная усмешка человека, успевшего к тридцати годам устать от жизни, взяв от нее все.

Кэтрин не желала иметь с мужчинами ничего общего, тем более с красавцем, излучающим столь опасное очарование. Такому, как Лео, нельзя доверять. Возможно, самые черные дни у него еще впереди. А если нет... вполне может оказаться, что чередой несчастий ждет саму Кэтрин.

Как-то днем, примерно через неделю после отъезда Лео из Гэмпшира, Кэтрин провела несколько часов на природе вместе с Беатрикс. К сожалению, подобные прогулки отнюдь не означали степенную ходьбу по садовым дорожкам, которую предпочитала Кэтрин. Беатрикс не гуляла, она исследовала природу с жадностью естествоиспытателя. Эта неутомимая особа любила забрести подальше в лес, внимательно изучая деревья и кусты, грибы и мхи, птичьи гнезда, паучьи сети и земляные норы.

Беатрикс подбирала всех обездоленных божьих тварей, лечила и выпускала на волю, а если те не могли сами о себе позаботиться, оставляла их жить в усадьбе. В семье все давно привыкли к зверушкам Беатрикс, и если по гостинной семенил вразвалку ежик или на обеденном столе скакала пара кроликов, никто не придавал значения подобным пустякам.

Чувствуя приятную усталость после долгой прогулки, Кэтрин присела за туалетный столик и распустила волосы.

От тугой прически и шпилек немного болела голова. Слегка погладив кончиками пальцев виски и затылок, девушка отбросила на спину пышные белокурые локоны. Сзади раздавалось чье-то радостное верещание. Оглянувшись, Кэтрин увидела, как из-под комода вылезает Доджер¹, ручной хорек Беатрикс. Его длинное верткое тело грациозно изогнулось, и зверек с белой перчаткой в зубах скакнул к Кэтрин. Проказливый ворюшка любил таскать всевозможные вещи из ящиков, коробок и шкафов и прятать их в укромных местах. К огорчению Кэтрин,

¹ Доджер (англ. dodger) – хитрец, ловкач. – Здесь и далее примеч. пер.

Доджер отдавал явное предпочтение именно ее гардеробу. Унизительные поиски подвязок для чулок по всему Рамзи-Хаусу давно стали для нее обыденным ритуалом.

– Ты просто здоровенная крыса, – проворчала Кэтрин, когда хореk вытянулся, положив крошечные передние лапки на край ее стула. Погладив Доджера по мягкой лоснящейся шерстке, она пощекотала ему макушку и осторожно высвободила перчатку из зубов зверька. – Стажил все мои подвязки и теперь перешел на перчатки, да? – Глазки Доджера дружелюбно поблескивали на острой мордочке с вытянутым темным пятнышком, похожим на маску. – Куда ты спрятал мои вещи? – спросила Кэтрин, положив перчатку на столик. – Если я не найду твой тайник, мне придется подвязывать чулки веревкой.

Усы Доджера встопорщились. Зверек плутовато ухмыльнулся, показав мелкие острые зубы, и соблазнительно выгнул спинку. Улыбаясь против воли, Кэтрин взяла со столика щетку и провела по золотистым локонам, рассыпавшимся по плечам.

– Нет, у меня нет времени с тобой играть. Я готовлюсь к обеду.

Одним изящным молниеносным движением хореk вскочил к ней на колени, схватил зубами со стола перчатку и вылетел из комнаты.

– Доджер! – вскрикнула Кэтрин, бросаясь за зверьком. – Отдай, негодник!

Она выбежала в холл, где взволнованно сновали горничные. Доджер исчез в дальнем конце коридора.

– Верджи, – обратилась Кэтрин к одной из служанок, – что случилось?

Запыхавшаяся темноволосяя девушка радостно улыбнулась:

– Лорд Лео только что вернулся из Лондона, мисс. Экономка велела нам приготовить его комнату, поставить на стол еще один прибор и разобрать багаж, когда лакеи поднимут его наверх.

– Так скоро? – пробормотала Кэтрин, чувствуя, как лицо ее заливают бледность. – Но лорд Рамзи и словом не обмолвился, что возвращается. Никто его не ждал.

«Я его не ждала» – вот что на самом деле хотела она сказать.

Пожав плечами, Верджи торопливо упорхнула, держа в руках кипу постельного белья.

Напряженная, как натянутая тетива лука, Кэтрин вернулась к себе в комнату. Она была не готова столкнуться с Лео лицом к лицу. Почему он так быстро вернулся? Это нечестно. Конечно, Рамзи-Хаус его поместье, и все же... Она сделала круг по комнате, пытаясь привести в порядок скачущие мысли. Выход был только один: избегать Лео. Да, решено. Она сошлется на мигрень и останется у себя в спальне.

Она все еще металась по комнате, не зная, на что решиться, когда в дверь негромко постучали. В следующее мгновение дверь распахнулась, и Кэтрин застыла с бешено колотящимся сердцем. Она едва не задохнулась от ужаса, увидев знакомую высокую фигуру Лео.

– Как вы смеете врваться ко мне без... – Голос ее затих, когда лорд Рамзи закрыл за собой дверь.

Повернувшись к Кэтрин, он окинул ее цепким, внимательным взглядом. Его дорожный наряд выглядел измятым и немного запыленным, а волосы – растрепанными. Взъерошенные темные пряди в беспорядке падали ему на лоб. Лео казался спокойным, но настороженным. В глазах его вместо привычной насмешки Кэтрин разглядела незнакомое загадочное выражение.

Прижимая кулак к груди, она попыталась выровнять дыхание. Не в силах сдвинуться с места, Кэтрин смотрела, как Лео приближается к ней. Ее охватило странное чувство – головокружительная смесь ужаса и восторга.

Подойдя к Кэтрин, Лео наклонился и взялся за край столика, стоявшего позади нее, так что испуганно съежившаяся девушка оказалась в кольце его рук. Он стоял слишком близко. Исходящая от него аура властной мужской мощи смущала Кэтрин. От Лео пахло свежим ветром, пылью и лошадьми, это был запах здорового молодого мужчины. Лорд Рамзи придвинулся ближе, его колено мягко прижалось к юбкам Кэтрин.

– Зачем вы вернулись? – слабым голосом спросила она.

Лео пристально посмотрел ей в глаза:

– Вы знаете зачем.

Прежде чем Кэтрин успела себя одернуть, ее взгляд метнулся к твердо очерченным губам Лео.

– Кэт... нам нужно поговорить о том, что произошло.

– Не понимаю, о чем вы.

Лео слегка наклонил голову.

– Хотите, чтобы я вам напомнил?

– Нет, нет... – Кэтрин испуганно качнула головой. – Нет.

Губы Лео насмешливо изогнулись.

– Одного «нет» вполне достаточно, дорогая.

«Дорогая»?

Охваченная тревогой, Кэтрин попыталась придать голосу твердость:

– Кажется, я ясно дала понять, что не собираюсь обсуждать случившееся.

– И вы надеетесь, что это поможет вам забыть о нем?

– Да, именно так и поступают люди, совершив ошибку, – с трудом выдавила из себя

Кэтрин. – Стараются забыть и жить дальше.

– В самом деле? – невинно осведомился Лео. – А мои ошибки всегда так приятны, что мне хочется повторить их.

Кэтрин с трудом подавила улыбку. Собственное безрассудство пугало ее.

– Эту ошибку вам не удастся повторить.

– О, я слышу голос гувернантки. Строгий и неодобрительный. Я чувствую себя нашкодившим мальчишкой. – Подняв руку, он нежно провел пальцем по подбородку девушки.

Кэтрин раздирали противоречивые чувства: тело ее жаждало прикосновений Лео, но все ее инстинкты кричали об опасности. Ее сковала неподвижность, мышцы натянулись как струны.

– Если вы сейчас же не выйдете из моей комнаты, – произнесла она глухим чужим голосом, – я устрою скандал.

– Маркс, больше всего на свете мне хотелось бы увидеть, как вы закатите скандал. На самом деле я даже помогу вам. С чего начнем? – Казалось, Лео забавляет ее смущение, с веселой усмешкой он разглядывал ее пылающее лицо. Его палец легко скользнул по шее Кэтрин, и в ответ на эту дразнящую ласку девушка невольно запрокинула голову. – Никогда прежде я не встречал таких глаз, – почти рассеянно произнес Лео, поглаживая подбородок Кэтрин. – Они напоминают мне Северное море, каким я увидел его впервые. Когда ветер вздымает волны, вода становится такой же зеленовато-серой, как ваши глаза... а на горизонте она кажется синей.

Кэтрин решила, что Лео снова над ней насмехается. Она обожгла его сердитым взглядом:

– Чего вы хотите от меня?

Лео глубоко задумался, лаская ухо девушки кончиками пальцев.

– Я хочу выведать ваши секреты. И я так или иначе заставлю вас открыть их мне.

Кэтрин наконец нашла в себе силы стряхнуть его руку.

– Прекратите. Вы, как всегда, развлекаетесь, задевая меня. Вы грязный негодяй, распутный грубиян и...

– Не забудьте назвать меня гнусным развратником, – перебил ее Лео, – это мое любимое прозвище.

– Убирайтесь.

Лео лениво оттолкнулся от туалетного столика.

– Ладно, я уйду. Вы явно боитесь, что не сможете сопротивляться влечению ко мне, если я останусь.

– Глядя на вас, я испытываю лишь одно желание – изувечить вас и расчленить ваш труп. Лео ухмыльнулся, направляясь к двери. Взявшись за ручку, он оглянулся через плечо.

– Ваши очки снова запотели, – любезно заметил он и выскользнул за дверь прежде, чем Кэтрин успела чем-нибудь в него запустить.

Глава 5

– Лео, – обратилась Амелия к брату на следующее утро, когда тот появился в утренней столовой, – ты должен жениться.

Лео смерил сестру угрюмым взглядом. Амелии следовало бы знать, что не стоит заводить подобные разговоры с утра пораньше. Он предпочитал проводить утро приятно и легко, не обременяя себя дневными заботами, тогда как Амелия, едва проснувшись, немедленно бросалась в самую гущу дел. Вдобавок минувшей ночью Лео почти не спал, его преследовали эротические фантазии с главной героиней – Кэтрин Маркс.

– Я никогда не женюсь, ты же знаешь, – проворчал он.

– Это и к лучшему, поскольку ни одна здравомыслящая женщина не вышла бы за вас, – донесся голос мисс Маркс из угла. Компаньонка сидела на маленьком стуле. Ее белокурые волосы сияли в лучах солнца, и в этом сверкающем ореоле света плавали золотистые пылинки.

Лео не задумываясь принял вызов.

– Здравомыслящая женщина... – задумчиво протянул он. – Не припомню, чтобы мне встретились хоть одна.

– А если бы и встретились, как бы вы узнали? – ехидно осведомилась Кэтрин. – Вас ведь не интересует характер женщины. Вы принялись бы разглядывать ее... ее...

– Что же? – весело поинтересовался Лео.

– Размер ее одежды, – нашлась наконец с ответом Кэтрин.

Ее стыдливость рассмешила Лео.

– Неужели вы действительно боитесь произнести вслух названия самых обычных частей тела, Маркс? Грудь, бедра, ноги – разве это звучит так ужасно? Почему вам кажется непристойным открыто говорить о человеческой анатомии?

Серые глаза Кэтрин гневно сузились.

– Потому что подобные разговоры ведут к неподобающим мыслям.

– О, мои мысли уже непристойны, – ухмыльнулся Лео.

– А мои нет, – отрезала Кэтрин. – И я предпочла бы, чтобы так оставалось и впредь.

Брови Лео поползли вверх.

– У вас не бывает непристойных мыслей?

– Едва ли.

– Но когда это все же случается, о чем вы думаете? – Кэтрин смерила лорда Рамзи уничтожающим взглядом. – Я не являюсь вам в нескромных фантазиях? – не унимался Лео, с удовольствием заметив, что лицо Кэтрин вспыхнуло от смущения.

– Я же сказала, что у меня не бывает бесстыдных мыслей.

– Нет, вы сказали «едва ли», а это значит, что пара мыслишек все же закралась в вашу голову.

– Лео, прекрати мучить мисс Маркс, – вмешалась Амелия, но Лео ее не услышал, увлеченный разговором с Кэтрин.

– Я не стал бы осуждать вас, узнав, что вас все же посещают греховные мысли, – заверил он девушку. – Сказать по правде, вы бы даже выиграли в моих глазах.

– Не сомневаюсь, – отрывисто бросила Кэтрин. – Вы, видно, предпочитаете женщин, вовсе лишенных добродетели.

– Добродетель в женщине – словно перец в супе. Малая ее толика служит прелестной приправой, но стоит переборщить, и никто не захочет продолжать знакомство с вами.

Кэтрин сердито поджала губы и отвернулась от Лео, положив конец ожесточенной перепалке.

Повисло неловкое молчание, и Лео вдруг заметил, что вся семья ошеломленно застыла, глядя на него.

– Я сделал что-то не так? – вскинулся он. – Какого черта тут происходит? И что вы все читаете, скажите на милость?

Амелия, Кэм и Меррипен разложили перед собой газеты на столе, а Уин с Беатрикс искали что-то в толстом юридическом справочнике.

– Только что пришло письмо от нашего лондонского поверенного, мистера Гадуика, – ответил Меррипен. – Похоже, когда вы унаследовали поместье, кое-какие бюрократические формальности остались неулаженными.

– Ничего удивительного, – отозвался Лео, направляясь к буфету, где стояли блюда с закусками. – Поместье и титул швырнули мне в руки, как бросают оберточную бумагу из-под рыбы. Заодно с проклятием Рамзи.

– Нет никакого проклятия Рамзи, – возразила Амелия.

– Вот как? – мрачно скривил губы Лео. – Тогда почему последние полдюжины наследников титула умерли один за другим?

– Чистое совпадение, – отрезала Амелия. – Просто та родовая ветвь оказалась слабой и выродилась. Такое нередко случается с аристократами, которые женятся друг на дружке.

– Ну, нам это, похоже, не грозит. – Лео перевел взгляд на Меррипена. – Расскажите об этих юридических тонкостях. Только покороче. Я не люблю думать по утрам. Это слишком утомляет.

Меррипен поморщился. Вид у него был не слишком счастливый.

– Эта усадьба, – начал он, – и участок земли, на котором она стоит, всего примерно четырнадцать акров, не входят в первоначальные владения Рамзи. Их добавили позднее. Выражаясь юридическим языком, эта собственность – копигольд, недвижимое имущество, обладающее особым статусом. В отличие от остальных владений копигольд может быть заложен, куплен или продан по воле обладателя.

– Прекрасно, – отозвался Лео. – А поскольку я и есть владелец, а я не собираюсь ничего закладывать или продавать, вопрос можно считать закрытым, не так ли?

– Нет.

– Нет? – Лео недоуменно нахмурился. – Согласно уложению о заповедном имуществе, за лордом навсегда закреплено право на землю и дом. Майорат неотчуждаем и неделим. Ничто не в силах этого изменить.

– Верно, – подтвердил Меррипен. – Вам принадлежит древний замок, тот, что расположен в северо-западной части владений, на пересечении двух рек.

Лео опустил наполовину заполненную тарелку, непонимающе глядя на зятя.

– Но там же груды булыжников, поросшая кустарником. Боже милостивый, эту развалину построили во времена Эдуарда Исповедника².

– Да, – будничным тоном произнес Меррипен. – Это и есть ваш настоящий дом.

– Но мне не нужны чертовы руины! – все больше распаляясь, вскричал Лео. – Я хочу эту усадьбу. Не понимаю, в чем проблема?

– Можно, я ему объясню? – взволнованно вмешалась Беатрикс. – Я прочитала все, что сказано в законе, и знаю подробности лучше других. – Она решительно вскинула голову, на плечах у нее, словно боа, свернулся хорек Доджер. – Понимаешь, Лео, старый замок превратился в руины несколько веков назад. Тогдашний лорд Рамзи приобрел этот участок земли в четырнадцать акров и построил на нем новый дом. С тех пор Рамзи-Хаус переходил от одного виконта к другому как обособленная часть владений. Однако последний лорд Рамзи, твой пред-

² Эдуард Исповедник (ок. 1003–1066) – король Англии с 1042 г., основатель Вестминстерского аббатства, канонизирован в 1161 г.

шественник, нашел способ оставить все отчуждаемое имущество, включая и копигольд, своей вдове и дочери. Это называется вознаграждением за превращение копигольда во фригольд. Так что Рамзи-Хаус вместе с четырнадцатью акрами земли принадлежит графине Рамзи и ее дочери Ванессе Дарвин пожизненно.

Лео недоверчиво покачал головой:

– Почему же мы раньше ничего об этом не знали?

– Похоже, прежде вдова не интересовалась домом, ведь он сильно обветшал и превратился в настоящую развалину, – угрюмо ответила Амелия. – Но теперь, когда мы полностью его восстановили и так красиво отделали, она уведомила нашего поверенного, что собирается вступить в права владения и въехать сюда.

Лео охватила ярость.

– Да будь я проклят, если позволю кому-то отнять у Хатауэв Рамзи-Хаус. Коли потребуется, я дойду до суда лорд-канцлера в Вестминстере.

Меррипен устало потер пальцами виски.

– Суд лорд-канцлера не станет рассматривать это дело.

– Откуда вы знаете?

– Наш поверенный советовался в своей конторе со специалистом по копигольду. К несчастью, Рамзи-Хаус не является неотчуждаемым имуществом и не подлежит майоратному наследованию, к вам переходит лишь древний замок.

– А нельзя ли выкупить копигольд у вдовы?

– Она уже заявила, что не уступит дом ни за какие деньги.

– Женщины часто меняют свои решения, – не согласился Лео. – Мы сделаем ей выгодное предложение.

– Хорошо. Но если она откажется вести переговоры, у нас остается только один способ сохранить за собой Рамзи-Хаус.

– Мне не терпится о нем услышать, – пробурчал Лео.

– Покойный лорд Рамзи оговорил условие, при котором вы сможете оставить себе поместье и усадьбу. Для этого в течение пяти лет после получения титула вы должны жениться и произвести на свет законного наследника мужского пола.

– Почему в течение пяти лет?

– Потому что за последние три десятилетия ни одному Рамзи не удалось протянуть дольше, получив титул. И ни один из них не оставил после себя законного сына.

– А хорошая новость, Лео, заключается в том, – бодрым тоном провозгласила Беатрикс, – что ты стал лордом Рамзи четыре года назад. Тебе осталось продержаться всего год, чтобы разрушить фамильное проклятие.

– А еще, – строго добавила Амелия, – тебе придется жениться и как можно скорее обзавестись сыном.

В наступившей выжидательной тишине Лео недоуменно обвел глазами сидевших за столом родственников. Потом издал недоверчивый смешок.

– Вы все сошли с ума, если думаете, что заставите меня жениться без любви, только чтобы моя родня продолжала жить в Рамзи-Хаусе.

Выступив вперед, Уин с успокаивающей улыбкой передала брату листок бумаги:

– Конечно, никто не собирается заставлять тебя жениться без любви, дорогой. Но мы тут вместе составили список предполагаемых невест, все они прелестные девушки. Почему бы тебе не взглянуть? Может, кто-то тебя заинтересует?

Саркастически хмыкнув, Лео взял в руки листок.

– Мариетта Ньюбери?!

– Да, – кивнула Амелия. – А что с ней не так?

– У нее ужасные зубы.

– А как насчет Изабеллы Чаррингтон?

– У нее мать мегера.

– Леди Блоссом Тремейн?

– Кошмарное имя.

– Ради бога, Лео, бедняжка не виновата, что ее так назвали.

– А мне все равно. Я ни за что не женюсь на женщине по имени Блоссом. Каждую ночь меня будет преследовать чувство, что я зову корову. – Лео раздраженно закатил глаза к потолку. – Я мог бы с тем же успехом взять в жены первую встречную девицу. Не попытаться ли мне счастья с Маркс?

Повисла неловкая пауза.

Почувствовав, что взгляды всех Хатауэев обращены к ней, скромно сидевшая в углу комнаты Кэтрин медленно подняла голову. Глаза ее за стеклами очков стали огромными, лицо залилось краской.

– Это не смешно, – гневно бросила она.

– Превосходное решение, – насмешливо возразил Лео. Негодование Кэтрин лишь подзадоривало его. – Мы вечно спорим, препираемся и терпеть друг друга не можем. Такое чувство, что мы уже женаты.

Вскочив на ноги, Кэтрин смерила Лео яростным взглядом:

– Я бы никогда не согласилась стать вашей женой.

– Хорошо, я ведь не просил вас выйти за меня. Я лишь высказывал предположение.

– Впредь не упоминайте моего имени, когда высказываете предположения! – Кэтрин выбежала из комнаты, оставив Лео смотреть ей вслед.

– Знаете, – задумчиво произнесла Уин, – пожалуй, нам нужно дать бал.

– Бал? – Меррипен недоуменно вскинул брови.

– Да, бал. Мы пригласим всех подходящих молодых женщин, каких только знаем. Возможно, одна из них привлечет внимание Лео, и он начнет за ней ухаживать.

– Я не собираюсь ни за кем ухаживать, – возмущенно огрызнулся Лео, но никто и бровью не повел.

– Мне нравится эта мысль, – поддержала сестру Амелия. – Бал, посвященный охоте за невестой.

– Точнее сказать, – сухо заметил Кэм, – бал, посвященный охоте за женихом. Поскольку добычей будет Лео.

– Прямо как в сказке про Золушку, – восторженно воскликнула Беатрикс, – только без прекрасного принца.

Желая охладить разгорающиеся страсти, Кэм предупредительно поднял руку:

– Потихе, успокойтесь. Если так случится, что у нас, не дай бог, отнимут Рамзи-Хаус, мы сможем построить новую усадьбу на оставшейся части владений.

– Строительство будет тянуться целую вечность и обойдется нам в огромное состояние, – возразила Амелия. – Вдобавок это отнюдь не то же самое. Мы потратили слишком много времени на восстановление усадьбы, вложили душу в этот дом.

– Особенно Меррипен, – тихо добавила Уин.

Меррипен устало пожал плечами:

– Это всего лишь усадьба.

Но все они знали, что Рамзи-Хаус не просто сооружение из кирпича и извести. Усадьба стала их домом. В этих стенах родился сын Кэма и Амелии. Здесь поженились Уин с Меррипенем. Рамзи-Хаус во всем своем небрежном очаровании был неотделим от семьи Хатауэй.

Лео понимал это лучше всех остальных. Как архитектор, он хорошо знал, что некоторые дома обладают собственным характером, и это невозможно объяснить одними лишь особенностями постройки. Рамзи-Хаус был разрушен и восстановлен. Стараниями Хатауэев из забро-

шенных руин он превратился в прекрасный счастливый дом. Будет настоящим преступлением, если из-за какой-то хитроумной юридической уловки их семью выселят, а в усадьбу въедет пара женщин, не вложивших в нее ни капли своей души.

Бормоча про себя проклятия, Лео взъерошил пальцами волосы.

– Я хочу взглянуть на развалины старого замка, – сказал он. – Меррипен, как лучше всего туда добраться?

– Точно не знаю, – признался Меррипен. – Я редко забираюсь так далеко.

– Я знаю, – вмешалась Беатрикс. – Мы с мисс Маркс ездили туда верхом, рисовали развалины. Они довольно живописные.

– Не хочешь съездить туда со мной? – спросил Лео.

– С удовольствием.

– Зачем тебе смотреть на эти развалины? – недовольно нахмурилась Амелия.

Лео улыбнулся, зная, что эта усмешка всегда выводила Амелию из себя.

– Чтобы снять мерки для штор, разумеется.

Глава 6

– Черт, гром и молния! – воскликнула Беатрикс, вбегая в библиотеку, где ее дождался Лео. – Я не могу поехать с тобой к развалинам старого замка. Я только что провела Лаки, она вот-вот родит. Нельзя оставлять ее в такую минуту.

Лео насмешливо улыбнулся, вернув книгу на полку.

– Кто такая Лаки?

– О, я забыла, ты с ней не знаком. Это трехногая кошка, принадлежавшая прежде сыровару из нашей деревни. Бедняжка потеряла лапку, угодив в капкан для крыс. Теперь Лаки почти не ловит мышей, и сыровар отдал ее мне. Он даже не удосужился дать ей имя, представляешь?

– Учитывая, что случилось с кошкой, имя Лаки³ не слишком-то ей подходит, как по-твоему?

– Я подумала, что это имя, возможно, изменит к лучшему ее судьбу.

– Уверен, так и будет, – весело кивнул Лео.

Стремление Беатрикс помогать несчастным, обездоленным созданиям всегда трогало, но вместе с тем и тревожило остальных Хатауэев. Все признавали, что младшая сестра – самая большая чудачка в семье.

На светских раутах в Лондоне Беатрикс неизменно пользовалась шумным успехом. Она была хорошенькой девушкой, настоящей красавицей с голубыми глазами, темными волосами и высокой, стройной фигурой. Джентльмены, околдованные ее юностью и очарованием, не догадывались, что тот же живой интерес она испытывала к ежикам, полевым мышам и непослушным спаниелям. Когда приходило время всерьез задуматься о женитьбе, мужчины неохотно покидали обворожительную Беатрикс ради менее самобытных молодых особ. С каждым новым светским сезоном шансы Беатрикс на успешное замужество все быстрее таяли.

Но казалось, юную сумасбродку это нисколько не волновало. В свои девятнадцать, почти двадцать лет она еще ни разу не влюблялась. Все Хатауэи сходились во мнении, что лишь немногие мужчины смогли бы понять Беатрикс и вынести ее причуды. Страстная и непостижимая, как сама природа, она жила, не задумываясь об обычных правилах.

– Иди, позаботься о Лаки, – мягко проговорил Лео. – Думаю, я и сам без труда найду эти развалины.

– О нет, ты не поедешь один, – запротестовала Беатрикс. – С тобой поедет мисс Маркс. Я все устроила.

– Вот как? И она согласилась?

Прежде чем Беатрикс успела ответить, в библиотеку вошла Кэтрин. Изыщная амазонка обтягивала ее стройную фигуру. Светлые волосы, туго заплетенные в косу, были уложены на голове высокой короной. Под мышкой она держала альбом для рисования. При виде Лео, одетого в сюртук для верховой езды, тесные бриджи и потертые сапоги, Кэтрин резко остановилась. Ее настороженный взгляд метнулся к Беатрикс.

– Почему вы не надели амазонку, дорогая?

– Простите, мисс Маркс, – виновато пробормотала Беатрикс. – Я не могу поехать. Мне нужно остаться с Лаки. Но это даже к лучшему... вы покажете Лео дорогу не хуже меня. – Она одарила Кэтрин и Лео солнечной улыбкой. – Сегодня чудесный день для прогулки верхом, не правда ли? Желаю вам приятно провести время! – И она весело упорхнула из комнаты.

Кэтрин нахмурила тонкие брови, глядя на Лео:

– Зачем вам вздумалось посещать развалины?

³ Лаки (англ. lucky) – счастливый, удачливый.

– Я лишь хотел взглянуть на них. Тьфу, пропасть! Почему я должен перед вами отчитываться? Если вы боитесь ехать со мной одна, просто откажитесь, и дело с концом.

– Боюсь вас? Ничего подобного.

Лео жестом указал на дверь, издевательски пародируя учтивость:

– Только после вас.

Поскольку Саутгемптонский и Портсмутский порты истари имели важное стратегическое значение, в Гэмпшире насчитывалось немало древних замков и живописных развалин, оставшихся еще со времен саксов. Лео знал, что на его землях сохранились руины древнего замка Рамзи, но так и не собрался их осмотреть. Заботы об угодьях, расчеты ренты и налогов, встречи с арендаторами, заготовка леса и архитектурные заказы, которые Лео изредка брал, не оставляли времени для праздных прогулок.

Лео и Кэтрин ехали вдоль полей цветущего турнепса и пшеницы, мимо клеверных пастбищ, на которых щипали траву тучные белые овцы. Всадники пересекли лес на северо-западе поместья, где среди зеленых холмов и светлых известняковых скал бежали бурные ручьи. Земля здесь была более скудной, каменистой и сухой, но это место, защищенное со всех сторон крутыми склонами, как нельзя лучше подходило для старинного замка-крепости.

Взбираясь на холм, Лео украдкой покосился на Кэтрин. Девушка грациозно держалась в седле, плавные скупые движения выдавали в ней искусную наездницу. «Эта женщина – само совершенство, – подумал Лео. – Сдержанная, рассудительная, она способна четко выразить любую мысль и с честью выйти из любого положения. Надо признать, Маркс отлично справляется со своими обязанностями». Но если другая женщина на ее месте стремилась бы выставить напоказ эти качества, Кэтрин старалась изо всех сил не привлекать к себе внимания.

Наконец впереди показались руины замка. Остатки древних стен выступали из земли, словно скелеты окаменевших чудищ. От дворовых пристроек остались лишь бугры на поросшей низким кустарником почве. Неглубокая круглая борозда приблизительно в двадцать пять футов шириной, кольцом опоясывавшая возвышенность в шестьдесят квадратных футов, была когда-то крепостным рвом.

Спешившись и привязав коня, Лео подошел к Кэтрин, чтобы помочь ей сойти с лошади. Опираясь на руку Лео, она соскользнула с луки седла, вынула ногу из стремени, а затем легко соскочила на землю. Голова ее слегка запрокинулась, поля шляпки для верховой езды наполовину скрывали опаловые глаза.

На мгновение Кэтрин замерла, не отнимая рук от плеч неподвижного Лео. Лицо ее порозовело от быстрой езды, губы приоткрылись... и Лео вдруг понял, что испытал бы, обладая ею, скользя меж ее бедер, чувствуя, как трепещет ее легкое гибкое тело, ощущая ее горячее дыхание. Медленно и безжалостно он подвел бы ее к самому пику наслаждения, а она стонала бы в его руках, царапая ногтями его спину, беспомощно шепча его имя...

– Вот ваш замок, – сказала Кэтрин. – Родовое гнездо Рамзи.

С трудом оторвав взгляд от девушки, Лео обвел глазами осыпающиеся руины.

– Очаровательно, – отозвался он. – Хорошо бы здесь немного подмести, вытереть пыль, и замок будет как новенький.

– Вы собираетесь принять план вашей семьи найти вам невесту?

– А вы думаете, мне следует согласиться?

– Нет, мне кажется, из вас не выйдет хорошего мужа. Не тот у вас характер.

В душе Лео был полностью согласен с Кэтрин, и все же ее слова больно его задели.

– Почему вы решили, что вправе судить о моем характере?

Кэтрин неловко пожала плечами.

– На балах, где собираются вдовы и почтенные матроны, только и разговоров, что о ваших художествах. Невольно приходится слушать.

– Ясно. А вы всегда верите пересудам?

Кэтрин молчала. Лео ожидал, что она станет возражать или язвить. Но к его удивлению, в глазах ее мелькнуло нечто похожее на раскаяние.

– Вы правы. Верны сплетни или нет, мне не следовало их слушать.

Лео ждал, что за этим последует какое-нибудь ядовитое замечание, но Кэтрин смущенно умолкла. Удивительное дело: она казалась пристыженной. Лео вдруг понял, что совсем не знает эту одинокую серьезную молодую женщину, которая так давно вошла в его дом, что успела стать едва ли не членом семьи.

– Так что обо мне болтают? – рассеянно спросил он.

Кэтрин поглядела на него исподлобья.

– Превозносят вас как искусного любовника.

– Что ж, тогда слухи определенно не лгут. – Лео поцокал языком, изображая изумление. – Неужели почтенные вдовы и матери семейств и впрямь судачат о подобных вещах?

Тонкие брови Кэтрин взлетели вверх.

– А о чем они, по-вашему, говорят?

– О вязании, о рецептах варенья. – Кэтрин покачала головой, пряча улыбку. – Как вам, должно быть, скучно находиться в их компании, – задумчиво протянул Лео. – Стоять у стены, слушая сплетни, и наблюдать, как остальные танцуют.

– Я вовсе не против. Танцы меня не интересуют.

– А вы когда-нибудь танцевали с мужчиной?

– Нет, – призналась Кэтрин.

– Тогда как вы можете утверждать, что не любите танцевать?

– Я могу составить мнение о чем-то, даже если никогда этого не делала.

– О, разумеется. Намного легче составить мнение, не располагая ни фактами, ни опытом. – Кэтрин нахмурилась, но не ответила. – Вы подали мне идею, Маркс, – продолжил Лео. – Я позволю сестрам устроить бал, о котором упоминалось сегодня. Но только ради одного: в самый разгар бала я подойду к вам и попрошу потанцевать со мной. На глазах у всех.

Казалось, Кэтрин пришла в ужас.

– Я откажусь.

– А я буду настаивать.

– Вы хотите поиздеваться надо мной, превратить в посмешище нас обоих.

– Нет. – Голос Лео смягчился. – Просто потанцевать, Маркс.

Они замерли, замороженно глядя друг на друга, а потом, к удивлению Лео, Кэтрин улыбнулась. Мило, непринужденно, восхитительно. Впервые она подарила ему улыбку. Лео ощутил странное стеснение в груди, сладкое, пьянящее, словно его опоили дурманом, по телу разлился жар.

Это напоминало... счастье.

Он вспомнил, как когда-то испытывал это чувство. Ему не хотелось пробуждать забытое воспоминание. Но хмельное упоение заполнило его теплой волной. Без всякой видимой причины.

– Спасибо, – улыбаясь произнесла Кэтрин. – Вы очень добры, милорд. И все же я не буду танцевать с вами.

Разумеется, Лео тотчас поставил себе целью во что бы то ни стало потанцевать с мисс Маркс.

Кэтрин отвернулась, чтобы достать из седельной сумки альбом для рисования и связку карандашей.

– Не знал, что вы увлекаетесь рисованием, – заметил Лео.

– Я не слишком хорошо рисую.

Лео кивнул в сторону альбома:

– Можно мне взглянуть?

– Не хочу давать вам повод посмеяться надо мной.

– Я не стану насмешничать. Серьезно, даю вам слово. Позвольте мне посмотреть. – Он медленно протянул руку ладонью вверх.

Кэтрин перевела взгляд с руки Лео на его лицо и нерешительно протянула альбом.

Открыв тетрадь, Лео принялся перелистывать страницы. Там была серия набросков развалин в разных ракурсах, выполненная излишне тщательно и строго. Возможно, чуть большая свобода, легкая небрежность, придала бы рисункам живости. Но в целом они выглядели превосходно.

– Прелестно, – похвалил Лео. – Какая изящная завершенность линий. У вас прекрасное чувство формы.

Девушка покраснела, неловко потупившись. Слова Лео явно ее смутили.

– Я слышала от ваших сестер, что вы великолепный художник.

– Возможно, просто опытный. Архитектурное образование включало занятия изобразительным искусством. – Лео рассеянно улыбнулся. – Мне особенно хорошо удается рисовать неподвижные предметы. Здания, фонарные столбы. – Он бегло просмотрел альбом. – У вас есть рисунки Беатрикс?

– На последней странице. Она начала было зарисовывать выступающую часть стены, но тут ее внимание привлекла скачущая белка.

Лео нашел портрет белки, изображенной обстоятельно, в мельчайших подробностях.

– Беатрикс и ее зверушки. – Он покачал головой.

Лео и Кэтрин обменялись улыбками.

– Многие люди говорят со своими любимцами, – заметила Кэтрин.

– Да, но мало кто понимает язык животных.

Закрыв альбом с набросками, Лео вручил его девушке и направился вдоль остатков крепостной стены.

Кэтрин последовала за ним, пробираясь через кусты утесника, усеянные желтыми цветами и блестящими черными стручками.

– Насколько глубоким был, по-вашему, крепостной ров?

– Я бы сказал, не больше восьми футов там, где земля выше всего. – Лео прикрыл глаза рукой от солнца, оглядывая окрестности. – Должно быть, пришлось отвести один из ручьев, чтобы наполнить ров. Видите вон те холмы? Там скорее всего были хозяйственные постройки и глинобитные хижины крестьян.

– А как выглядел сам замок?

– Главная башня почти наверняка была сложена из камня, а остальные строения могли быть созданы из различных материалов. Повсюду здесь бродили овцы, козы, собаки и крестьяне.

– Вам известна история первого сюзерена? – Кэтрин уселась на обломок стены и расправила юбки.

– Вы говорите о первом виконте Рамзи? – Лео остановился на краю круглой борозды, бывшей когда-то крепостным рвом, и обвел глазами ландшафт. – Вначале он звался Томасом Блэкмиром. Этот человек, известный своей безжалостностью, разграбил и сжег немало деревень. Его считали правой рукой Эдуарда, Черного принца⁴. Оба они не слишком-то чтити благородные законы рыцарства. – Лео оглянулся через плечо и улыбнулся, заметив, как Кэтрин презрительно сморщила нос. Она сидела, выпрямившись точно школьница, с альбомом для

⁴ Эдуард, Черный принц (1330–1376), – принц Уэльский, в 1362–1372 гг. правитель Аквитании; старший сын английского короля Эдуарда III; получил свое прозвище из-за черного цвета доспехов. Один из наиболее известных английских военачальников Столетней войны 1337–1453 гг.

рисования на коленях. Лео захотелось схватить ее в объятия и, подобно далекому предку Рамзи, отнюдь не по-рыцарски повалить на траву. К счастью, Кэтрин не могла проникнуть в его мысли. – Томас воевал во Франции, провел четыре года в плену, после чего получил свободу и вернулся в Англию, – продолжил Лео свой рассказ. – Думаю, Блэкмир решил, что настало время остепениться, обзавестись семьей, потому что чуть позднее явился в эту крепость, убил построившего ее барона, захватил его земли и завладел его вдовой.

Кэтрин в ужасе округлила глаза:

– Бедная леди.

Лео пожал плечами:

– Должно быть, Томас не остался равнодушен к прелестям этой дамы, поскольку впоследствии женился на ней. Она родила ему шестерых детей.

– Так они мирно состарились вместе?

Лео покачал головой, неспешно приближаясь к Кэтрин:

– Томас вернулся во Францию и пал в битве при Кастийоне⁵. Впрочем, французы поступили благородно, воздвигнув ему памятник на поле боя.

– Не думаю, что он заслужил подобный знак уважения.

– Не будьте слишком суровы к бедняге, он жил по законам своего времени.

– Он был варваром, – возмущенно возразила Кэтрин. – И время тут ни при чем. – Легкий ветерок взметнул золотистую прядь ее волос, собранных в тугий узел, и отбросил на щеку.

Не в силах устоять перед искушением, Лео протянул руку и заправил локон ей за ухо. Ее кожа была нежной и гладкой, как у ребенка.

– Большинство мужчин – варвары, – пожал плечами Лео. – Просто теперь появилось больше правил, которым приходится подчиняться. – Сняв шляпу, он положил ее на стену и посмотрел на запрокинутое лицо Кэтрин. – Вы можете повязать мужчине галстук, научить его хорошим манерам и заставить блистать в обществе, но едва ли хоть один из нас по-настоящему цивилизован.

– Насколько я знаю мужчин, вы правы, – согласилась Кэтрин.

Лео смерил ее насмешливым взглядом:

– А что вам известно о мужчинах?

Лицо Кэтрин помрачнело, серые глаза сделались зелеными, как морская пучина.

– Я знаю, что им нельзя доверять.

– Я бы сказал то же самое о женщинах. – Лео сбросил сюртук, оставив его лежать на стене, и направился к холму, возвышавшемуся посреди развалин. Обходя руины, он невольно думал о том, что на этом самом месте стоял когда-то Томас Блэкмир, оглядывая свои владения. И вот, по прошествии многих веков, земля перешла к Лео. Теперь он как полноправный хозяин мог перекроить здесь все по своему желанию. Он волен был творить и разрушать.

– И какой оттуда открывается вид? – донесся снизу голос Кэтрин.

– Изумительный. Поднимайтесь, и сами увидите, если хотите.

Кэтрин положила альбом с карандашами на край стены и, приподняв юбки, начала взбираться на холм.

Взгляд Лео задержался на ее изящной, стройной фигуре. «Маркс крупно повезло, что времена Средневековья давно прошли, – усмехнулся он про себя. – А не то ее непременно заграбастал бы какой-нибудь жестокий лорд-завоеватель». Но улыбка Лео тотчас увяла, стоило ему представить, как он с дикарской яростью хватает Кэтрин в охапку и тащит туда, где земля помягче.

⁵ Битва при Кастийоне (17 июля 1453 г.) – последнее крупное сражение Столетней войны, завершилось разгромом английских войск.

Эта мысль показалась ему дьявольски соблазнительной... Вот он опускает извивающуюся Кэтрин на землю, срывает с нее одежду, покрывает поцелуями груди...

Лео потрянул головой, пытаясь прогнать наваждение, и встревоженно нахмурился. Что за чертовщина лезет ему в голову? Он, конечно, не праведник, но и не насильник. И все же избавиться от навязчивых фантазий оказалось не так-то легко. Лео потребовалась вся его воля, чтобы подавить в себе пробудившийся варварский дух.

Преодолев половину склона, Кэтрин вдруг глухо вскрикнула и пошатнулась.

Обеспокоенный Лео мгновенно бросился к ней.

– Вы оступились? Подвернули... проклятие! – Он замер на месте, увидев, что земля под ногами девушки слегка просела.

– Стойте, Кэт. Не двигайтесь. Ждите!

– Что происходит? – прошептала Кэтрин с белым как мел лицом. – Земля проваливается? Это карст?

– Больше похоже на архитектурное чудо, черт возьми. Кажется, мы стоим на участке крыши, просевшем по крайней мере два века назад. – Лео стоял выше Кэтрин, их разделяло примерно пять футов. – Кэт, – осторожно заговорил он, – медленно опуститесь на землю, чтобы ваш вес перераспределился на более обширную поверхность. Тихонько. Да, вот так. А теперь ползите назад, вниз по склону.

– Вы не можете мне помочь? – дрожащим голосом спросила Кэтрин, и у Лео защемило сердце от жалости.

Он ответил чужим, охрипшим голосом:

– Милая, я бы с радостью. Но если мой вес прибавится к вашему, крыша обрушится целиком. Начинайте двигаться. Если вам от этого станет легче, думаю, внизу столько трухи, что падать будет невысоко.

– На самом деле я не почувствовала облегчения. – Бледная от страха, Кэтрин медленно поползла на четвереньках вниз.

Лео замер, не сводя взгляда с девушки. Земля под ногами, казавшаяся такой надежной и прочной, была, возможно, всего лишь старой, насквозь прогнившей древесиной, прикрытой тонким слоем почвы.

– Все будет хорошо, – проговорил он успокаивающим тоном, хотя от страха за Кэтрин сердце его бухало, словно кузнечный молот. – Вы весите не больше бабочки. Это под моим весом просели остатки балок и опор.

– Так вы поэтому стоите неподвижно?

– Да. Если я попытаюсь сдвинуться с места, крыша может обрушиться. Я хочу, чтобы прежде вы выбрались на безопасное место.

Но тут оба они почувствовали, как земля под ними сдвинулась.

– Милорд, – прошептала Кэтрин с круглыми от ужаса глазами, – вы думаете, это как-то связано с проклятием Рамзи?

– Сказать по правде, до сих пор мне это не приходило в голову, – признался Лео. – Спасибо, что заставили меня задуматься о подобной вероятности.

Крыша рухнула, и Кэтрин с Лео, увлеченные потоком земли, камней и обломков дерева, провалились вниз, в темноту.

Глава 7

Кэтрин пошевелилась и закашлялась. Она неуклюже распростерлась на груде обломков, в рот, нос и глаза забился песок.

– Маркс. – Она услышала, как где-то сбоку Лео разгребает обломки, пытаюсь пробраться к ней. В его дрожащем голосе звучала тревога. – Вы ранены? Можете двигаться?

– Да... я, кажется, цела... – Кэтрин села, потерла руками лицо. Тело болело и саднило, но серьезных повреждений не было. – Набила пару синяков. О боже, мои очки!

Лео тихонько выругался.

– Я попробую их отыскать.

Беспомощно вертя головой, Кэтрин попыталась оглядеться. Лео неподалеку обшаривал камни в поисках очков. Его длинное тело темным расплывчатым пятном выделялось в сизой мгле. Поднявшаяся в воздух пыль медленно оседала. Кэтрин мало что удалось рассмотреть, но, судя по всему, они с Лео оказались в яме примерно в шесть футов глубиной. Сквозь пролом наверху падали дрожащие лучи света.

– Вы были правы, милорд. Падать пришлось невысоко. Это главная башня?

– Я не уверен, – послышался сдавленный голос Лео. – Возможно, это подземная усыпальница под башней. Я вижу здесь следы каменной кладки... а отверстия в боковой стене, где соединяются поперечные балки...

Охваченная ужасом, Кэтрин поспешно поползла к неясной фигуре Лео, маячившей в полумраке.

– Что это? – Сильные руки Лео сомкнулись вокруг нее. Тяжело дыша, Кэтрин уткнулась лицом ему в грудь. Оба они полулежали среди обломков прогнившей древесины, камней и комьев земли. Ладонь Лео легла на затылок Кэтрин. – Что случилось?

– Склеп, – сдавленным голосом прошептала девушка.

Прижимая Кэтрин к себе, Лео успокаивающе погладил ее по голове.

– Да, но почему это вас так пугает?

Задыхаясь, Кэтрин с трудом выдавила из себя:

– Здесь... лежат мертвецы?

Заданный дрожащим голосом вопрос повис в воздухе. Лео ненадолго задумался.

– О нет. Это не усыпальница, просто подzemелье. – В его голосе мелькнула горькая улыбка. Кэтрин почувствовала, как губы Лео нежно коснулись ее уха. – Вы представляете себе склеп под современными церквями, где покоятся усопшие, но средневековое подzemелье – всего лишь кладовая под главной башней.

Кэтрин настороженно замерла:

– Так здесь нет скелетов?

– Нет. Ни костей, ни гробов. – Лео все гладил Кэтрин по волосам. – Бедняжка. Не волнуйтесь, там внизу нет ничего ужасного. Постарайтесь дышать глубже. Вы в безопасности.

Лежа в объятиях Лео, Кэтрин попыталась выровнять дыхание. Что за чудеса? Лорд Рамзи, ее злейший враг и мучитель, ласково утешал ее, называя бедняжкой. Его губы нежно прижались к ее виску. Замерев, Кэтрин прислушалась к себе, захваченная незнакомым ощущением. Ее никогда не привлекали такие пугающе огромные мужчины, но в могучих руках Лео ей было удивительно спокойно. Казалось, лорд Рамзи искренне тревожится о ней, его ласковый голос обволакивал, словно мягкий темный бархат.

Кэтрин совершенно растерялась. Если бы еще вчера кто-то сказал ей, что она свалится в грязную яму вместе с лордом Рамзи и окажется в ловушке, Кэтрин решила бы, что ничего омерзительнее и представить себе нельзя, но лежать рядом с ним на груде обломков было вовсе не так ужасно, а, пожалуй, даже приятно. «Неудивительно, что все женщины в Лондоне сходят

по нему с ума... – подумалось ей. – Если именно так, поглаживая и утешая, виконт начинает соблазнять свою жертву, легко можно вообразить, как быстро он одерживает победы».

К разочарованию Кэтрин, Лео мягко отстранился.

– Маркс... боюсь, я не смогу найти ваши очки среди этого мусора.

– Дома у меня есть другая пара, – отважилась признаться Кэтрин.

– Слава богу. – Лео сел, его дыхание с тихим хрипом вырывалось сквозь сжатые зубы. –

Теперь, если мы встанем на самую высокую гору обломков, до поверхности останется совсем чуть-чуть. Я подниму вас, помогу выбраться, и вы вернетесь в Рамзи-Хаус. Кэм вышколил лошадь, вам даже не придется ее направлять, она сама легко найдет дорогу домой.

– А что вы собираетесь делать? – изумленно отозвалась Кэтрин.

– Боюсь, мне придется подождать, пока вы не пришлете кого-то за мной, – смущенно пробормотал Лео.

– Почему?

– У меня э... – он замолчал, нерешительно подбирая слова, – заноза.

Кэтрин возмущенно нахмурилась.

– И вы хотите, чтобы я, почти слепая, ехала обратно одна, без спутника, а потом прислала кого-то вызволить вас? И все из-за несчастной занозы?

– Заноза довольно крупная, – вяло возразил Лео.

– Где она? Вы занозили палец? Руку? Возможно, я могу помочь... О господи! – испуганно вскрикнула Кэтрин, когда Лео взял ее руку и поднес к своему плечу. Его рубашка пропиталась кровью, из плеча торчал острый обломок дерева. – Это не заноза, – в ужасе прошептала девушка. – Это настоящий кол. Чем я могу помочь? Может, лучше это вытащить?

– Нет, возможно, щепка закупорила артерию. Я бы не хотел истечь кровью в этой яме.

Кэтрин подползла ближе к Лео и тревожно оглядела его, приблизив голову к его лицу. Даже в тени он казался бледным, посеревшим. Положив руку ему на лоб, Кэтрин убедилась, что кожа покрыта холодной испариной.

– Не волнуйтесь, – чуть слышно промямлил Лео. – Рана выглядит хуже, чем есть на самом деле. – Но Кэтрин лишь убедилась в обратном: рана была куда серьезнее, чем казалась. В любую минуту мог наступить шок, состояние, при котором сердце перестает снабжать органы достаточным количеством крови. А от шока до полной остановки сердца и смерти всего один шаг. Кэтрин захлестнула паника.

Сорвав с себя жакет, она прикрыла им грудь Лео.

– Что вы делаете? – спросил он.

– Пытаюсь согреть вас.

Лео невесело усмехнулся, сдернув с себя сюртук.

– Не глупите. Во-первых, рана безобидна. Во-вторых, едва ли жакет способен меня согреть. А теперь насчет моего плана...

– Рана очень тяжелая, – возразила Кэтрин, – и я не согласна с вашим планом. У меня есть план лучше.

– Ну конечно, – язвительно рассмеялся Лео. – Маркс, хоть раз в жизни вы можете сделать, как я прошу?

– Нет, я ни за что не оставлю вас здесь. Я набросаю еще камней, чтобы мы оба смогли отсюда выбраться.

– Да вы же слепая как крот, черт побери. И вам не сдвинуть с места эти булыжники. Вы слишком маленькая.

– Я попросила бы вас не отпускать уничижительные замечания о моем росте, – ворчливо отозвалась Кэтрин, поднимаясь и оглядывая груды обломков. Найдя самую высокую точку, она осторожно перебралась туда и принялась ворочать лежавшие рядом камни.

– Я не хотел вас обидеть, – раздраженно рявкнул Лео. – Для моего излюбленного занятия вы сложены как нельзя лучше. Но таскать камни вам не под силу. Проклятие, Маркс, вы поранитесь...

– Лежите смирно, – вскрикнула Кэтрин, услышав, как Лео сдвинул один из камней. – Вам станет хуже, и мне будет еще труднее вытащить вас отсюда. Предоставьте это мне. – Отыскав кучу тесаных камней, она начала перетаскивать их один за другим к самому высокому месту, стараясь не защемить ненароком подол.

– Вы недостаточно сильны, – слабым голосом проговорил Лео, тяжело дыша.

– Пусть мне недостает физической силы, – ответила Кэтрин, волоча новый камень, – зато решимости хватает с избытком.

– Звучит впечатляюще. Но может, мы на минутку оставим героизм и обратимся к здравому смыслу?

– Я не собираюсь с вами спорить, милорд. Мне нужно поберечь дыхание. – Она нагнулась за очередным камнем.

Наблюдая сквозь туманную пелену перед глазами, как растет гора камней и обломков деревянных перекрытий, Лео решил, что опять недооценил Кэтрин Маркс. Путаясь в длинных юбках, эта полуслепая женщина, самая безумная из всех, кого он знал, упорно сновала туда-сюда по кучам мусора, словно трудолюбивый крот. Она решила набросать груды камней, чтобы выбраться наверх, и ничто не могло ее остановить.

Время от времени она прикладывала руку ко лбу или к горлу Лео, проверяя температуру и частоту пульса. А затем снова принималась ворочать камни.

Лео мучительно переживал свою унижительную беспомощность. Мысль о том, что он лежит как бревно, а женщина в одиночку таскает тяжелые камни, доводила его до иступления, но каждый раз, стоило ему поднять голову, подступали слабость и дурнота. Плечо горело огнем, Лео не мог пошевелить левой рукой. Холодный пот заливал лицо, глаза щипало.

Должно быть, на несколько минут Лео потерял сознание, потому что вдруг ощутил, как Кэтрин испуганно трясет его, пытаясь привести в чувство.

– Маркс, – пробормотал он непослушными губами, – что вы здесь делаете? – Он недоуменно поморщился. Ему показалось, что на дворе раннее утро, а Кэтрин пытается разбудить его раньше срока.

– Не спите, – с тревогой заговорила девушка. – Я свалила в кучу достаточно камней, чтобы мы с вами смогли отсюда выбраться. Идемте со мной.

Тело Лео будто сковало свинцом. Навалилась тошнотворная слабость. Каждое движение причиняло боль.

– Сейчас, сейчас. Дайте мне немного подремать.

– Скорее, милорд. – Кэтрин продолжала тормошить и тянуть Лео, пока тот не открыл глаза. – Идемте. Поднимайтесь. Двигайтесь.

Лорд Рамзи со стоном повиновался. С мучительным усилием он поднялся на ноги. Плечо и руку тотчас пронзило болью, и Лео беспомощно выругался, не сумев сдержаться. Как ни странно, на этот раз Кэтрин его не одернула.

– Сюда, – позвала она. – И не вздумайте споткнуться, вы слишком тяжелый, чтобы я могла вас поднять.

Взбешенный Лео сдержался, понимая, что Кэтрин пытается ему помочь. Медленно переставляя ноги, стараясь изо всех сил удержать равновесие, он сделал несколько шагов.

– Лео – это краткая форма имени Леонард? – спросила Кэтрин, изрядно его смутив.

– Какого дьявола, Маркс? Я не желаю разговаривать.

– Ответьте мне, – не отступала девушка.

Лео понял, что она старается не дать ему впасть в забытие.

– Нет. – Дыхание со свистом вырывалось из его горла. – Лео – это просто Лео. Лев. Мой отец интересовался астрономией. Лев – созвездие позднего лета. В сердце его сияет самая яркая звезда Регул. – Он остановился, глядя сквозь наплывающую серую муть на сваленную грудой камней и древесных обломков. – О, вы прекрасно знаете свое дело. В следующий раз, когда я буду брать заказ на архитектурный проект... – Лео тяжело перевел дыхание, – я порекомендую вас как подрядчика.

– Только подумайте, каких успехов я достигла бы, будь у меня очки, – заметила Кэтрин. – Я сложила бы настоящую лестницу.

Лео сдавленно рассмеялся.

– Идите первой, я за вами.

– Держитесь за мою юбку, – предложила Кэтрин.

– Ох, Маркс, я никогда не слышал от вас ничего приятнее.

Они принялись медленно карабкаться вверх. Лео бил озноб, рана причиняла невыносимую боль, мысли путались, казалось, голова наполнена вязкой кашей. Когда он наконец тяжело осел на землю, неуклюже разбросав в стороны ноги, его душил гнев на Кэтрин за то, что та заставила его проделать этот изнурительный путь. Лучше бы он остался лежать в яме. Солнце слепило глаза, и Лео бросило в жар. Веки обожгло болью, голову словно пронзило раскаленной иглой.

– Я приведу свою лошадь, – сказала Кэтрин. – Мы с вами вместе вернемся домой.

При мысли о том, что ему придется взобраться в седло и скакать к Рамзи-Хаусу, Лео содрогнулся. Он чувствовал себя вконец истерзанным, изнурительный подъем отнял у него последние силы. Но Кэтрин с ее безжалостным упорством не оставляла ему выбора. Приходилось подчиняться. Что ж, хорошо. Он поедет. Взгромоздится на лошадь и будет трястись в седле, пока не испустит дух. Мисс Маркс привезет домой его труп, болтающийся в седле позади нее.

Он сидел на земле, кипя от ярости, пока Кэтрин ходила за лошадью. Гнев подхлестнул его. Лео удалось совершить последнее решающее усилие. Он с трудом поднялся на ноги и, устроившись в седле позади Кэтрин, обнял ее за тонкую талию здоровой рукой. Его сотрясала дрожь. Он держался за женщину, проклиная свою позорную слабость. Несмотря на хрупкое сложение, Кэтрин оказалась на удивление сильной. Ее спина, словно стальной стержень, удерживала обоих всадников. Теперь Лео оставалось лишь стиснуть зубы и терпеть. Его гнев улетучился, осталась лишь жгучая боль.

Будто сквозь вату до него донесся голос Кэтрин:

– Почему вы решили никогда не жениться?

Голова Лео склонилась к уху девушки.

– Нечестно задавать глубоко личные вопросы, пользуясь тем, что я почти в бреду. Я могу сказать вам правду.

– Так почему? – не отставала Кэтрин. Понимала ли она, что просит Лео поделиться частью его самого, раскрыть самое сокровенное, нарушить табу и коснуться прошлого? Если бы не терзавшая его боль, он немедленно осадил бы мисс Маркс, но сейчас броня, которой он себя окружил, была не прочнее осыпавшейся каменной стены, что опоясывала когда-то развалины старинной крепости Рамзи. – Это из-за умершей девушки, да? – продолжала спрашивать Кэтрин. Лео потрясенно молчал, не в силах произнести ни слова. – Вы были помолвлены. Ее жизнь унесла та же болезнь, от которой чудом оправились вы с Уин. Как звали ту девушку?

– Лаура Диллард. – Неужели он говорит о Лауре с мисс Маркс? Это казалось невероятным. Однако Кэтрин, похоже, ждала, что он продолжит беседу, и Лео не смог ей отказать. – Лаура была прекрасной девушкой. Любила рисовать акварелью. Мало у кого это хорошо получается, все боятся ошибиться, выбрать неверный тон. Прелесть акварели в ее прозрачности, легкости, воздушности. Стоит сделать мазок кистью, и его уже не сотрешь, не скроешь

под новым слоем краски. Акварель непредсказуема и капризна. Она такой же творец, как и сам художник, остается лишь признать за ней это право и дать ей свободу. Иногда цветные пятна неожиданно расплываются самым причудливым образом или смешиваются, меняя тон рисунка. Но Лауру это никогда не смущало. Ей нравилось непостоянство акварели. Мы с Лаурой были знакомы с детства. Я уехал на два года изучать архитектуру, а когда вернулся, мы полюбили друг друга. Вот так, легко и просто. Мы никогда не ссорились – нам не о чем было спорить. Нас ничто не разделяло. Мои родители умерли годом раньше. У отца было большое сердце. Однажды ночью он заснул и не проснулся. А матушка последовала за ним всего через несколько месяцев. Она не переставала оплакивать отца. Прежде я не знал, что можно умереть от горя. – Лео замолчал, перебирая в памяти воспоминания, словно сухие листья и прутики, подхваченные быстрым ручьем. – Когда Лаура заболела, я не думал, что скарлатина может отнять у нее жизнь. Я всем сердцем любил ее и верил, что моя любовь поможет ей справиться с любым недугом. Но я провел у постели Лауры три дня, чувствуя, как с каждым часом она становится все слабее. Жизнь ее угасала, как вода утекает сквозь пальцы. Я сжимал Лауру в объятиях, пока ее сердце не перестало биться и холод не сковал ее тело. Смерть отняла ее у меня.

– Мне очень жаль, – тихо прошептала Кэтрин, когда Лео затих. – Искренне жаль. – Она накрыла ладонью здоровую руку Лео. – Я... о, я понимаю, как глупо это звучит.

– Не огорчайтесь, – отозвался Лео. – В жизни случаются вещи, для которых не придумали подходящих слов.

– Да. – Пальцы Кэтрин сжали руку Лео. – После смерти Лауры та же болезнь поразила и вас.

– Это было для меня облегчением.

– Почему?

– Потому что я хотел умереть. Так и случилось бы, если бы не Меррипен с его проклятыми цыганскими снадобьями. Мне потребовалось немало времени, чтобы его простить. Я ненавидел Меррипена за то, что тот спас мне жизнь. Ненавидел весь мир, потому что после смерти Лауры жизнь продолжалась как ни в чем не бывало. Ненавидел себя, оттого что мне не хватило смелости положить этому конец. Каждую ночь, засыпая, я умолял Лауру явиться мне. Думаю, временами она показывалась, хотя и ненадолго. Я ее видел.

– Вы хотите сказать... видели в своем воображении? Или вам являлся ее призрак?

– И то и другое. Я прошел через ад и заставил мучиться всех своих близких, пока наконец не смирился с тем, что Лауры больше нет.

– Вы все еще ее любите, – безжизненным голосом произнесла Кэтрин. – Поэтому вы никогда не женитесь.

– Нет. Я вспоминаю о ней с величайшей любовью и нежностью. Но после смерти Лауры прошла целая вечность. И я не в силах снова пережить эту муку. Моя любовь подобна безумию.

– Возможно, в следующий раз все будет иначе.

– Нет, будет только хуже. Потому что тогда я был всего лишь мальчишкой. А теперь, когда я знаю, кем я стал и что мне нужно... Черт возьми, выдержать такое не под силу никому. – Хриплый язвительный смешок сорвался с губ Лео. – Я способен разрушить даже себя самого, Маркс.

Глава 8

К тому времени как всадники достигли дровяного склада, расположенного неподалеку от Рамзи-Хауса, Кэтрин совсем извелась от тревоги. Лео на вопросы отвечал односложно и все больше молчал, тяжело привалившись к спине своей спутницы. Его сотрясала дрожь, кожа взмокла от пота. Рука его, обнимавшая девушку за талию, казалась ледяной. Рана по-прежнему кровоточила. Пропитавшееся кровью платье Кэтрин липло к телу. Заметив впереди кучку мужчин, готовящихся разгружать повозку с бревнами, Кэтрин горячо взмолилась про себя: «Только бы среди них был Меррипен. Господи, пожалуйста, прошу тебя».

– Мистер Меррипен с вами? – крикнула она.

К ее огромному облегчению, вперед выступила худая высокая фигура.

– Да, мисс Маркс?

– Лорд Рамзи ранен, – поспешно выпалила Кэтрин. – Мы упали... ему в плечо вонзился обломок дерева...

– Везите его в дом. Я встречу вас там.

Прежде чем Кэтрин успела ответить, Меррипен сорвался с места и стремительно, огромными скачками понесся к дому.

Когда Кэтрин подъехала к парадному входу, Меррипен был уже там.

– Мы осматривали развалины, и произошел несчастный случай, – принялась взволнованно объяснять девушка. – Лорд Рамзи поранился больше часа назад. Он очень холодный и говорит как-то бессвязно.

– Это моя обычная манера говорить, – проворчал Лео у нее за спиной. – Я пока еще в ясном уме. – Он попытался спешиться, но, накренившись, начал медленно падать с лошади.

Меррипен успел подскочить и подхватить его. Ловко подставив плечо, он закинул здоровую руку Лео себе на шею. Лео пронзила боль.

– Проклятие! Ах ты чертов мерзавец!

– Вы в ясном уме, – сухо заметил Меррипен и перевел взгляд на Кэтрин: – Где лошадь лорда Рамзи?

– Возле развалин.

Меррипен окинул девушку испытующим взглядом:

– Вы поранились, мисс Маркс?

– Нет, сэр.

– Хорошо. Тогда бегите в дом и найдите Кэма.

Привыкшие, как и все Хатауэи, ко всякого рода неожиданностям, Кэм и Меррипен мгновенно взяли дело в свои руки. Придерживая Лео с обеих сторон, они помогли ему войти в дом и подняться по лестнице в спальню. Хотя вблизи усадьбы специально для лорда Рамзи был построен холостяцкий домик, Лео настоял, чтобы там поселились Меррипен и Уин. Он резонно посчитал, что счастливая пара молодоженов нуждается в уединении куда больше его. Приезжая в Гэмпшир, Лео занимал в усадьбе одну из спален для гостей.

Кэм, Меррипен и Лео вместе составляли дружное трио. Они с самого начала успешно поделили обязанности. Хотя владельцем поместья считался Лео, он охотно разделял власть с зятьями. Вернувшись домой после двухлетнего пребывания во Франции, Лео с благодарностью увидел, что в его отсутствие Кэм с Меррипеном полностью восстановили усадьбу. Они превратили пришедшее в упадок поместье в великолепное, процветающее хозяйство, ничего не прося взамен. Лео обнаружил, что может многому поучиться у них обоих.

Невозможно управлять поместьем, развалившись на диване в библиотеке с бокалом портвейна, как это делают аристократы в романах. Как довольно скоро выяснилось, здесь требовалась не только деловая хватка, но и обширные знания в области земледелия, животновод-

ства, строительства, заготовки древесины и повышения плодородности земель. Вдобавок лорду Рамзи приходилось принимать участие в политической жизни и добросовестно исполнять свои обязанности в парламенте. Разумеется, одному человеку невозможно было справиться с этими бесчисленными заботами. Поэтому Меррипен и Лео договорились вместе заниматься лесом и сельских хозяйством, тогда как Кэм вел дела поместья и отвечал за финансы.

Когда кому-то случалось заболеть, заботу о больном брал на себя обычно Кэм, хотя и Меррипен был неплохо сведущ в медицине. Переняв искусство исцеления от своей бабушки-цыганки, Кэм одинаково умело врачевал и болезни, и раны. Было куда разумнее, да и безопаснее позволить ему применить свои знания, нежели посылать за доктором.

В соответствии с установившейся практикой современные доктора все недуги пациентов лечили кровопусканием, несмотря на непрекращающиеся споры во врачебном сообществе по поводу действенности этого метода. Медицинская статистика убедительно свидетельствовала, что означенная процедура не приносит пользы, однако ее настойчиво продолжали применять. Иногда даже с кровотечениями пытались бороться, отворяя кровь, – врачи руководствовались распространенным убеждением, что лучше делать хоть что-то, чем вовсе ничего.

– Амелия, – обратился к жене Кэм, переложив вместе с Меррипеном Лео на кровать, – нам понадобится много горячей воды и все полотенца, какие только есть в доме. Распорядись, чтобы принесли воду с кухни. Уин, может быть, вы с Беатрикс отведете мисс Маркс в ее комнату и поможете ей привести себя в порядок?

– О нет, – запротестовала Кэтрин, – благодарю вас, но мне не нужна помощь. Я сама приму ванну и...

Однако ее возражения никто не стал слушать. Уин и Беатрикс не сдались, пока не убедились, что ванна для Кэтрин готова. Они помогли мисс Маркс вымыть голову и переодеться в чистое платье. Потом отыскали запасную пару очков, и Кэтрин с облегчением почувствовала, что окружающие предметы вновь обрели четкость. Проявив настойчивость, Уин занялась руками Кэтрин: наложила целебную мазь и перевязала разбитые в кровь пальцы.

Затем Уин с Беатрикс спустились на первый этаж, а Кэтрин позволили наконец навестить Лео. Войдя в спальню лорда Рамзи, она увидела Амелию, Кэма и Меррипена, стоящих возле кровати. Лео лежал без рубашки, укрытый горой одеял. Кэтрин не особенно удивилась, услышав, что он ожесточенно спорит с сестрой и обоими зятями.

– Нам не нужно его разрешение, – раздраженно заявил Меррипен Кэму. – Я волью склянку ему в глотку, если понадобится.

– Черта с два, – прорычал Лео. – Я вас убью, только попробуйте...

– Никто не собирается заставлять вас силой, – нетерпеливо перебил его Кэм. – Но вам придется объяснить нам причину, *phral*⁶, потому что вы ведете себя неразумно.

– Я не собираюсь ничего объяснять. А вы с Меррипеном можете взять это поганое пойло и затолкать его себе...

– Что случилось? – спросила Кэтрин, стоя в дверях. – Какие-то трудности?

Амелия вышла в коридор. На ее хмуром лице читались досада и тревога.

– Да, трудность в том, что мой братец – тупоголовый идиот, – проворчала она достаточно громко, чтобы Лео мог ее слышать. Повернувшись к Кэтрин, она понизила голос: – Кэм и Меррипен говорят, что рана не слишком опасна, но она может загноиться, если ее не очистить. Щепка вонзилась между ключицей и плечевым суставом, мы не знаем, насколько глубоко она вошла. Нужно промыть рану, удалить остатки дерева и обрывки одежды, а иначе может возникнуть воспаление. Иными словами, придется разбередить рану и возиться в кровавом месиве. А Лео отказывается принять настойку опия.

Кэтрин недоуменно нахмурилась:

⁶ Брат (цыган.).

– Но... лорд Рамзи должен что-то принять, чтобы не чувствовать боли.

– Да, а он не желает. Лео твердит Кэму, чтобы тот начинал чистить рану. Как будто это так просто! Это кропотливая работа, с ней не справишься, когда человек визжит от боли.

– Я же сказал, что не издам ни звука, – рявкнул Лео из спальни. – Я визжу, только когда Маркс читает свои стихи.

Несмотря на охвативший ее страх, Кэтрин едва сдержала улыбку.

Осторожно заглянув за дверной косяк, она увидела изможденное лицо Лео. Выглядел он ужасно, загорелая кожа побледнела и казалась пепельно-серой. Укутанный одеялами, он дрожал, как мокрый пес. Измученный и несчастный, лорд Рамзи пытался хорохориться. Встретив его затравленный взгляд, Кэтрин не удержалась и спросила:

– Можно мне сказать вам пару слов, милорд?

– Сделайте одолжение, – угрюмо буркнул Лео. – Буду рад поспорить с кем-то еще.

Кэтрин вошла в комнату. Кэм с Меррипенем отступили, пропуская ее к кровати.

– Нельзя ли мне на минутку остаться наедине с лордом Рамзи?.. – проговорила она извиняющимся тоном.

Кэм бросил на нее насмешливый взгляд. Он явно сомневался, что ей удастся повлиять на Лео.

– Сделайте все возможное, чтобы убедить нашего шурина выпить лекарство, стоящее на столике возле кровати.

– А если слова не помогут, – добавил Меррипен, – хватите его посильнее по голове вот этой кочергой.

Кэм с Меррипенем вышли в коридор.

Оставшись вдвоем с Лео, Кэтрин приблизилась к кровати. При виде торчавшего из его плеча обломка она невольно вздрогнула. Из рваной раны сочилась кровь. За неимением стула Кэтрин осторожно опустилась на край постели. Пристально глядя на Лео, она негромко заговорила:

– Почему бы вам не принять настойку опиия? – В ее голосе звучала забота.

– Черт побери, Маркс... – Лео тяжело перевел дыхание. – Я не могу. Поверьте мне, я знаю, на что иду, но у меня нет выбора. Дело в том... – Внезапно замолчав, он отвел взгляд и стиснул зубы. Его сотряс новый приступ дрожи.

– Почему? – Кэтрин так отчаянно хотелось понять Лео, что она, сама того не заметив, коснулась его кисти. Протеста не последовало, и ободренная девушка робко накрыла перевязанными пальцами холодную руку Лео. – Скажите мне, – попросила она. – Пожалуйста.

Рука Лео медленно повернулась и осторожно сжала ее ладонь. Жаркая волна прокатилась по телу Кэтрин. Это было чувство облегчения, словно, взяв ее за руку, Лео сделал самую естественную вещь на свете. Они посмотрели на свои сомкнутые ладони. От пальцев вверх растекалось тепло.

– После смерти Лауры я вел себя скверно, – хрипло произнес Лео. – Много хуже, чем сейчас, если вы понимаете, о чем я. Но что бы я ни вытворял, ничто не давало мне желанного забвения. Как-то ночью я поехал в Ист-Энд в компании самых развращенных своих приятелей и заявился в курильню опиума. – Он умолк, почувствовав, как невольно сжалась рука Кэтрин. – Даже в переулке тянуло дымом. Он стелился клубами. Воздух казался бурым. Меня отвели в комнату, полную мужчин и женщин. Они дремали вповалку на соломенных тюфяках и подушках, что-то бормоча во сне. В полумраке вспыхивали горящие трубки опиума... словно десятки маленьких красных глаз, мигающих в темноте.

– Это напоминает картину ада, – прошептала Кэтрин.

– Да. Я и жаждал попасть в ад. Кто-то передал мне трубку. После первой затяжки я почувствовал такое облегчение, что едва не заплакал.

– На что это похоже? – спросила Кэтрин, сжимая руку Лео.

– В одно мгновение мир обретает гармонию, и никакое зло, горе или боль не в силах этому помешать. Только представьте себе, что терзавшая вас вина, страхи и гнев уносятся прочь, будто перышки, подхваченные легким ветерком.

Возможно, прежде Кэтрин строго осудила бы Лео за то, что тот проявил слабость, поддавшись пороку, но сейчас она испытывала лишь жалость и сочувствие. Глухое отчаяние заставило его опуститься на самое дно.

– Но это чувство мимолетно, – вздохнула Кэтрин.

Лео с горечью кивнул:

– Да. И когда дурман развеивается, наваливается еще большая тяжесть. Вас уже ничто не радует. Те, кого вы любили, становятся вам безразличны. Вы думаете лишь о новой затыжке, вам не терпится снова вдохнуть проклятый дым.

Кэтрин задержала взгляд на профиле Лео. Неужели этого самого мужчину она изводила язвительными придирами весь прошлый год? Насмехалась над ним, обливала ледяным презрением? Невероятно. Казалось, этого толстокожего самовлюбленного самца ничто не может задеть. А в действительности Лео был так легко уязвим. Он носил в себе свое горе.

– Что заставило вас бросить? – мягко спросила Кэтрин.

– Я достиг той грани, за которой даже мысль о том, чтобы продолжать жить, чертовски утомляет. В руке я сжимал пистолет. Меня остановил Кэм. «Цыгане верят, – поведал он мне, – что если человек слишком сильно предается скорби, дух усопшего может превратиться в призрак». Кэм сказал, я должен отпустить Лауру. Ради ее блага. – Лео посмотрел на Кэтрин пронзительно-голубыми, как весеннее небо, глазами. – Я так и сделал. Я поклялся отказаться от опиума и с того дня не притронулся к дьявольскому зелью. Господи, Кэт, вы не представляете, как это было трудно. Мне пришлось ломать самого себя. Теперь стоит мне хоть раз отведать эту отраву... и подо мной разверзнется бездна. Я не могу решиться на это. Риск слишком велик.

– Лео... – Лорд Рамзи удивленно моргнул. Кэтрин впервые обратилась к нему по имени. – Примите настойку. Я не позволю вам скатиться на дно и превратиться в ничтожество.

Губы Лео насмешливо скривились.

– Так вы предлагаете взять меня под свою опеку?

– Да.

– Вам не справиться со мной. Я слишком большая обуза.

– Нет, – решительно возразила Кэтрин. Лео невесело рассмеялся, смерив девушку долгим испытующим взглядом, словно никак не мог решить, какую оценку ей вынести. Кэтрин не верилось, что она сидит на краю постели и держит за руку мужчину, с которым так долго и так ожесточенно сражалась. Она и представить себе не могла, что Лео по собственной воле откроет ей душу. – Доверьтесь мне, – настойчиво заговорила она.

– Назовите мне хотя бы одну вескую причину.

– Вы можете.

Лео слегка покачал головой, не сводя глаз с ее лица. Вначале Кэтрин показалось, что он отвергает ее помощь, но потом она вдруг поняла, что Лео решил и сам изумлен своим поступком. Он показал глазами на стаканчик с жидкостью, стоявший на столике возле кровати.

– Дайте мне выпить это пойло, – пробормотал он, – пока я не передумал.

Кэтрин протянула ему стакан, и Лео осушил его в несколько глотков. Дрожь отвращения пробежала по его телу. Трясущейся рукой он отдал девушке пустой стакан.

Они умолкли, ожидая, пока настойка подействует.

– Ваши руки... – заговорил Лео, нежно коснувшись перевязанных пальцев Кэтрин.

– Ничего страшного, – прошептала девушка. – Всего-то пара царапин.

Голубые глаза Лео затуманились, отяжелевшие веки сомкнулись. Лицо, искаженное гримасой боли, медленно разгладилось.

– Я не поблагодарил вас за то, что вытащили меня из-под развалин? – тихо спросил он.

– Вам не обязательно меня благодарить.

– И все же... спасибо вам. – Не открывая глаз, он прижал к щеке руку Кэтрин. – Вы мой ангел-хранитель, – проговорил он слабеющим голосом, растягивая слова. – Думаю, до сих пор у меня его не было.

– А если и был, – отозвалась Кэтрин, – вы, наверное, слишком быстро бежали, чтобы ангел мог за вами угнаться.

Лео усмехнулся.

Прикосновение гладко выбритой щеки Лео к ее ладони наполнило Кэтрин неизъяснимой нежностью. Ей пришлось напомнить себе, что лорд Рамзи находится под действием опиума и возникшая между ними близость всего лишь иллюзия. И все же ее не оставляло ощущение, что сквозь обломки и пепел их былой вражды пробиваются ростки нового чувства. Лео с трудом сглотнул подступивший к горлу ком, это движение отозвалось волной дрожи в теле Кэтрин.

Они молчали, погруженные каждый в свои мысли, когда дверь неожиданно отворилась, заставив Кэтрин испуганно вздрогнуть.

В комнату вошел Кэм. Бросив взгляд на пустой стакан, он одобрительно кивнул девушке:

– Превосходно, мисс Маркс. Так Рамзи будет намного легче. А главное, это облегчит мне задачу.

– Дьявольщина, мать вашу, – беззлобно проворчал Лео, с усилием открывая глаза.

Кэм с Меррипенем приблизились к кровати. Следом вошла Амелия с охапкой тряпок и полотенец. Неохотно поднявшись, Кэтрин шагнула к двери.

Кэм посмотрел на шуриня со смесью сочувствия и тревоги. Его черные как смоль волосы сияли в лучах солнца, потоками вливавшихся в комнату.

– Я могу позаботиться о вашей ране, phral. Но если хотите, мы пошлем за доктором gadjo⁷.

– О боже, нет. Лучше я отдамся в ваши неуклюжие руки, если уж выбирать зло, то меньшее. Не приведи господь иметь дело с врачом-англичанином: первым делом он пускает в ход банку с пивками.

– Ну, мы обойдемся без пивок, – пообещал Кэм, убирая подушки из-под спины Лео. – Сказать по правде, они меня приводят в ужас.

– Неужели? – удивилась Амелия. – Я не знала.

Осторожно придерживая голову Лео, Кэм помог ему опуститься на матрас.

– Когда я был мальчишкой и еще жил с табором, я как-то раз плескался в родниковом пруду вместе с другими детьми. Выйдя на берег, мы увидели, что с наших ног гроздьями свисают пивки. Я сказал бы, что визжал как девчонка, но от девочек было куда меньше шума.

– Бедный Кэм, – улыбнулась Амелия.

– Бедный Кэм? – возмутился Лео. – А как насчет меня?

– На мое сострадание не слишком рассчитывай, – ворчливо отозвалась Амелия. – Подозреваю, ты нарочно все это затеял, чтобы увильнуть от посадки турнепса.

Два метких слова, брошенных Лео в ответ, заставили Амелию расплыться в улыбке.

Откинув одеяла и прикрыв брата до пояса простыней, она ловко подложила полотенца ему под бок и раненое плечо. При виде стройного мускулистого торса Лео и соблазнительных темных волосков у него на груди Кэтрин почувствовала странную пустоту в желудке. Она медленно отступила от двери еще на шаг. Ей не хотелось уходить, но этого требовали приличия.

Кэм поцеловал жену в макушку и ласково подтолкнул к стене:

– Подожди там, monisha⁸, нам понадобится свободное пространство. – Он повернулся к стоявшему рядом подносу со скальпелями, щипцами, ножницами и другими инструментами.

Кэтрин побелела, услышав, как лязгнул металл.

⁷ Не цыганом (цыган.).

⁸ Жена (цыган.).

– Вы собираетесь принести в жертву козу или исполнить ритуальный танец? – заплетающимся языком выговорил Лео. – Может, хотя бы споете что-нибудь?

– Мы уже проделали все это внизу, – невозмутимо ответил Кэм, протягивая Лео обрывок кожаного ремня. – Закусите это зубами. И постарайтесь не слишком шуметь, пока мы будем трудиться над вами. Мой сын задремал.

– Прежде чем я суну этот кусок кожи себе в рот, – хмуро произнес Лео, – может, скажете мне, где он побывал до меня? А впрочем... – Лео немного помолчал. – Какая разница? Чуть подумав, я решил, что лучше мне этого не знать. – Он было зажал зубами ремень, но тут же вынул его изо рта и добавил: – Надеюсь, вы ничего мне не оттяпаете.

– Если и оттяпаем, – заметил Меррипен, осторожно протирая кожу вокруг раны, – то не намеренно.

– Готов, phral? – услышала Кэтрин тихий голос Кэма. – Держите его крепко, Меррипен. Хорошо. На счет «три».

Амелия с застывшим лицом присоединилась к Кэтрин в коридоре. Прислонившись к стене, она зябко обхватила себя руками за плечи.

Из комнаты донесся глухой стон Лео, а затем напевная цыганская речь Кэма и Меррипена. Их непонятная скороговорка подействовала на Кэтрин успокаивающе.

Ясно было, что, несмотря на действие опиума, Лео предстоит пережить мучительные минуты. Каждый раз, слыша его сдавленные проклятия и хриплые возгласы боли, Кэтрин испуганно съеживалась и стискивала в кулаки разбитые пальцы.

Немного погодя Амелия заглянула в дверь спальни:

– В ране много щепок?

– Все нет, monisha, – отозвался Кэм. – Могло быть много хуже, но... – Он замолчал, раздался приглушенный крик Лео. – Простите, phral. Меррипен, возьмите пинцет и... да-да, вот здесь.

Белая как мел Амелия повернулась к Кэтрин, и в следующий миг случилось невероятное: потянувшись к компаньонке, она сжала ее в объятиях, как обняла бы Уин, Поппи или Беатрикс. Мисс Маркс ошеломленно застыла, не от гадливости, а от неловкости.

– Я так рада, что вы не пострадали, Кэтрин, – прошептала Амелия. – Спасибо, что позаботились о лорде Рамзи. – Кэтрин коротко кивнула. Отстранившись, Амелия ласково ей улыбнулась: – С ним все будет хорошо, вот увидите. Он живучий как кошка.

– Хотелось бы верить, – осторожно обронила Кэтрин. – Надеюсь, проклятие Рамзи тут ни при чем.

– Я не верю в проклятия, заклинания и прочие глупости. Если над моим братом и довлеет заклятие, так только то, что он сам на себя наложил.

– Вы хотите сказать... он горюет по Лауре Диллард?

Голубые глаза Амелии изумленно округлились.

– Лео говорил о ней с вами?

Кэтрин кивнула.

Амелия явно растерялась. Взяв Кэтрин под руку, она повела ее в глубь коридора, где никто не мог бы их услышать.

– Что он рассказал?

– Что мисс Диллард любила писать акварелью, – нерешительно ответила Кэтрин. – Что они были помолвлены, а потом Лаура заболела scarlatina и умерла у него на руках. А еще... что призрак невесты являлся ему. Не в воображении, на самом деле. Но ведь это не может быть правдой... да?

Добрых полминуты Амелия молчала.

– Думаю, это возможно, – с поразительной невозмутимостью подтвердила она. – Хотя я ни за что не призналась бы в этом прилюдно – меня сочли бы сумасшедшей. – Амелия

криво усмехнулась. – Впрочем, вы достаточно долго прожили с нами, чтобы убедиться: Хатауэи действительно семейка помешанных. – Амелия снова умолкла и задумчиво проговорила: – Кэтрин.

– Да?

– Мой брат никогда ни с кем не говорил о Лауре Диллард. Никогда.

Кэтрин растерянно моргнула.

– Его терзала боль. Он потерял много крови.

– Не думаю, что он поэтому разоткровенничался с вами.

– Тогда почему же? – с трудом выдавила из себя Кэтрин.

Она боялась услышать ответ, лицо выдавало ее страх.

Амелия смерила ее пристальным взглядом и с печальной улыбкой пожала плечами.

– Я и так сказала слишком много. Простите меня. Просто я горячо желаю счастья моему брату. – После короткой паузы она добавила: – И вам тоже.

– Уверяю вас, мадам, одно к другому не имеет ровно никакого отношения.

– Конечно, – пробормотала Амелия, снова направляясь к своему посту возле двери.

Глава 9

После того как рану очистили и перевязали, измученный Лео с посеревшим лицом остался лежать в постели. Весь остаток дня он проспал, пробуждаясь лишь временами. Стоило ему открыть глаза, как в горло ему вливали глоток бульона или целебного чая: родные ревностно заботились о нем, не желая слушать никаких возражений.

Как и боялся Лео, опиум пробудил прошлые кошмары. Жуткие чудовища выползали из недр земли, запускали когти в свою беспомощную жертву и тянули за собой вниз, в бездну, где тарасились в темноте сотни горящих красных глаз. Опоенный дурманом, Лео метался в лихорадке, не в силах сбросить с себя сон, все больше погружаясь в тягостные видения. Среди ночи прикосновение прохладной тряпицы к пылающему лбу принесло ему облегчение. Лео ощутил чье-то присутствие, чьи-то ласковые руки коснулись его лица.

– Амелия? Уин? – смущенно прошептал он.

– Шш-ш...

– Жарко, – пожаловался Лео, морщась от боли.

– Лежите тихо.

Влажную тряпицу сменяли два или три раза. Сквозь мутные волны жара Лео ощутил приятную прохладу, ему показалось, что тиски, сжимавшие его лоб, вдруг разжались... чья-то легкая рука погладила его по щеке.

На следующее утро Лео проснулся вконец разбитым и подавленным. Жар сменился ознобом. Конечно, сказывалось действие опиума, но Лео нисколько не утешала мысль, что ему известны причины собственной вялости и апатии.

– У вас легкая лихорадка, – сказал утром Кэм. – Вам нужно пить побольше отвара тысячелистника, чтобы сбить жар. Но к счастью, рана не загноилась. Отдохните сегодня, уверен, завтра вам станет намного лучше.

– На вкус этот отвар напоминает воду из канавы, – недовольно проворчал Лео. – И я не собираюсь проваляться в кровати весь день.

Кэм сочувственно вздохнул:

– Я понимаю, рhgal. Вы чувствуете себя не столь уж больным, чтобы оставаться в постели, но и не достаточно здоровым, чтобы чем-то заняться. И все же вам нужно дать себе отдых и поправиться, а иначе...

– Я спущусь вниз. Хочу позавтракать как полагается.

– Завтрак закончился. С буфета уже убрали все закуски.

Обиженно надувшись, Лео устало потер ладонями лицо. Боль в плече заставила его дернуться.

– Пусть Меррипен поднимется ко мне. Я хочу с ним поговорить.

– Он уехал на встречу с арендаторами, они заняты посадкой турнепса.

– А где Амелия?

– Нянится с ребенком. У него режутся зубки.

– А что Уин?

– Беседует с экономкой, проверяет запасы и отдает распоряжения о закупках. Беатрикс развозит корзины с провизией пожилым жителям городка. А мне придется нанести визит одному арендатору, который вот уже два месяца задерживает плату. Боюсь, вас некому развлекать.

Лео встретил это замечание угрюмым молчанием. Помедлив, он наконец решился спросить о той, что занимала все его мысли. Эта особа не потрудилась заглянуть к нему или справиться о его здоровье, хотя обещала заботиться о нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.